

Наталья
Калинина

Призрачный
остров

Наталья Дмитриевна Калинина
Призрачный остров
Серия «Мистический узор судьбы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44739476

Призрачный остров: роман / Наталья Калинина: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-105082-5

Аннотация

Стефания пришла в себя на странном острове, а в памяти не сохранились события последних нескольких дней. Что же произошло? Почему она и еще несколько человек оказались здесь, отрезанные от всего мира? И кто кукловод, дергающий за ниточки? Ясно только одно: всем пленникам острова угрожает смертельная опасность.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	55
Глава 4	82
Конец ознакомительного фрагмента.	105

**Наталья Дмитриевна
Калинина**

Призрачный остров

© Калинина Н., текст, 2019

© Исаева О., иллюстрация на переплете, 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Пролог

Я остался один... Последний из всех. В этом проклятом месте, по сравнению с которым ад покажется раем. Какую же ошибку мы совершили! Пролили кровь на священной земле, открыли дверь в преисподнюю, разбудили мертвых.

Впрочем, кто из нас, воспитанных не на божьих заповедях, а на крепком атеизме, поверил бы в то, что болтают «темные» старики? Помня, что старость нужно уважать, мы, однако, забыли о том, что старики несут не только накопленный жизнью опыт, но и мудрость прошлых поколений. А что теперь несем мы? Смерть? Так смерть – это не конец, а, наоборот, начало бесконечного пути. Только существование это мучительно, я видел... Видел! И, о боже, жалею, страшно жалею, что смерть – не абсолютный финал.

Возможно, я не переживу ночь. Они знают, где я прячусь. Как бы я ни менял места, они меня отыщут. Они придут, и я умру. Умру для того, чтобы восстать из мертвых.

Глава 1

Кто-то рядом певуче шептал ей что-то на непонятном языке и ласково поглаживал по спине. Эти прикосновения и привели Стефанию в чувство. Казалось, некая сила, выхватив ее из сумрака беспамятства и нежно побаюкав на руках, опустила на что-то мягкое и воздушное, как перина. Только укрыть одеялом забыла!

Холод коснулся ног, пощекотал голые лодыжки, скользнул к талии, пробрался под одежду и куснул за шею. Стефания зябко повела плечами и нехотя открыла глаза. Почти рядом с ее носом лежал округлый камешек. Серый голыш вдоль, как перловое зерно, пересекала темная линия, а в уголке виднелась крошечная дырочка. «Куриный бог» – камешек, приносящий удачу... Только вот удачным пробуждение назвать было сложно: взгляд скользнул по сырому песку и споткнулся о корягу, обмотанную водорослями.

«Откуда в спальне песок и коряга?!» Морок развеялся в ту же секунду. Стефания рывком села, но тут же согнулась, сраженная приступом кашля. Легкие были словно набиты стекловатой. Не прекращая кашлять, она отняла ото рта руку, почти уверенная в том, что увидит кровь. Но нет, ладонь оказалась чистой, если не считать налипших песчинок. По мере того, как выравнивалось дыхание, в голове возникали новые и новые вопросы: «Где я? Как я тут оказалась? Что проис-

ходит?»

Впереди, насколько хватало глаз, разливалась вода. То ли море, то ли широкая река, берега которой растворялись в скрывающей горизонт дымке... Вдоль нее тянулся бесконечной полосой дикий, поросший кустарником, пляж. Стефания медленно поднялась на ноги, растерянно оглядела себя и с облегчением обнаружила, что одета в привычную одежду: голубую футболку и любимые светло-синие брюки из легкой ткани. Эти брюки она брала во все летние поездки, потому что они не мялись, в них было удобно и не жарко. Значит, судя по одежде, она приехала в отпуск. Стефания наморщила лоб, но воспоминания будто тонули в тумане. Она осторожно ощупала голову, проверяя, нет ли следа от удара. Должна же быть у амнезии какая-то причина? Но пальцы не нащупали ни шишек, ни ссадин. Уже хорошо, хотя это ничего не объясняет. Обмакнув руку в воду, Стефания лизнула ладонь. Вкус оказался пресный, значит, это не море! Ассоциации, смутные, как проступающие сквозь дымовую завесу очертания предметов, развеялись, так не успев собраться в мало-мальски внятную картину происходящего.

– Эй! – закричала Стефания в надежде привлечь чье-нибудь внимание. Она замахала руками и даже подпрыгнула на месте, как обычно делают в кино спасшиеся жертвы кораблекрушения.

Непонятно, на что она надеялась – может быть, на то, что кто-то откликнется, придет на помощь, возьмет ее за ру-

ку и объяснит, где она находится? Если так, то напрасно. Единственным ответом ей стал шумный всплеск набежавшей на берег волны да зашуршавший в листве кустарника ветер. Стефания крепко прижала ладони к щекам и медленно выдохнула, потому что от затопившей ее паники готова была разрыдаться. Что, если она на самом деле оказалась на необитаемом острове, как современный Робинзон Крузо? Только навыков выживания в экстремальных условиях у нее нет. Она – типичная горожанка, избалованная благами цивилизации и привыкшая к отдыху в комфортных условиях.

«Нет. Нет! Если бы я потерпела крушение, это бы сказалось на внешнем виде!» Стефания вновь тщательно оглядела себя. Одежда хоть и мятая, но сухая и целая. У сандалий намокла только подошва. Волосы закудрявились от влаги и, возможно, напоминают воронье гнездо, но это обычное их состояние, если после мытья не воспользоваться феном и расческой. Не в силах больше выносить неведения, Стефания отправилась вдоль по берегу в надежде кого-нибудь встретить.

Пляж тянулся бесконечной и однообразной линией, прерываемой, словно пробелами, зарослями кустарника. Больше ничего не было – ни отелей, ни рыбацких лачуг, ни перевернутых лодок, ни сушившихся на солнце рыболовных сетей, ни выброшенного на берег волнами мусора, намекающего на обитаемость места. Даже следов зверей и птиц не видно! Только пунктирная строчка кустарника по желто-се-

рому полотну песка. В какой-то момент Стефания даже засомневалась – может, она ходит по кругу? Вон тот кустик с торчащей веткой, будто вскинутой в приветственном жесте рукой, вроде уже попадался! Но когда паника подкатила к горлу тошнотой, Стефания услышала тихий вздох.

– Эй! – закричала она и, размахивая руками, бросилась бегом туда, откуда доносились приглушенные причитания. Там кто-то плакал, а значит – она уже не одна!

Стефания обогнула разросшийся кустарник и увидела стоявшую на коленях девушку, одетую в стиле Лары Крофт: в майку, микроскопические шорты с широким ремнем и высокие сапоги. Длинные гладкие волосы незнакомки были завязаны в высокий хвост. Запрокинув лицо к небу, девушка тихо причитала, перемежая бормотания всхлипами, но мгновенно обернулась на шум.

– Слава богу!

Резким движением «Лара» вытерла слезы, размазав остатки косметики, и бросилась навстречу с вопросом, который моментально убил едва зародившуюся у Стефании надежду:

– Куда я попала?!

– Не знаю. Я думала, вы мне поможете понять, где мы находимся...

Незнакомка отступила на шаг, недоверчиво округлила темные, как маслины, глаза, и, видимо, от растерянности перешла на «ты»:

– То есть... Ты хочешь сказать, что не знаешь, что это за

место?!

– Нет.

– Хорошенькое дело!

«Лара» уперла руки в бока, словно ответ Стефании не расстроил, а рассердил ее.

– А мужчину не видела? Невысокого, с залысинами, одетого в светлые брюки и рубашку?

– Нет.

– Да что ты заладила все «нет» да «нет»?! – вскипела девушка. – Ты другие слова знаешь?!

– Знаю. А толку?

«Лара» с досадой сплюнула себе под ноги.

– Ладно. О'кей! Ты тоже ни фиги не понимаешь, – добавила она уже спокойнее.

– Я очнулась на песке возле воды, но как здесь оказалась – не знаю. Не помню, – нарочито доброжелательным тоном ответила Стефания, хотя на самом деле ей хотелось заорать, выпустив в небо вместе с криком обуревавшие ее эмоции.

– Ясно. Ясно, что ни фиги не ясно! Я тоже очнулась тут. Со мной должен быть Гоша! Но он куда-то исчез.

– Гоша – твой спутник? – осторожно спросила Стефания, решив тоже не церемониться с вежливым «вы». Тем более что девушка, похоже, была младше ее на несколько лет.

– Ну да, я ж сказала! Не понимаю, куда он делся?! Оставил меня... Я его уже целую вечность жду! Убью, когда встречу!

«Лара» раздраженно топнула ногой, обутой в хотя и про-

стой с виду, но дорогой, наверняка дизайнерский сапог из натуральной кожи. Интересно, не жарко ли ей летом в такой обуви? Стефании, предпочитавшей удобство и комфорт, жертвенность в угоду красоте понятна не была.

– Погоди угрожать своему Гоше. Давай вначале разберемся, как мы тут оказались и почему этого не помним?

– И что ты предлагаешь?

– Для начала познакомиться. Я – Стефания.

– Фигасе имечко! – Девушка скривила губы в усмешке: – Настоящее?

– Настоящее. Оно иностранное.

– Так ты иностранка? – Карие глаза «Лары» вспыхнули любопытством.

– Не совсем, – уклончиво ответила Стефания. Вдаваться в подробности своей биографии ей не хотелось – время и место были явно неподходящие, да и откровенничать она не любила. Но, к счастью, на этом расспросы прекратились.

– Анфиса, – представилась девушка и, предупреждая комментарии, добавила:

– Да, не Маша или Наташа! И терпеть не могу, когда мое имя сокращают.

– Как и я, – усмехнулась Стефания. «Стешу» она прощала только маме, от остальных же требовала, чтобы ее звали полным именем. Пожалуй, на фоне необычных имен они с Анфисой нашли общий язык, хотя подругами вряд ли станут.

Дальше они отправились вдвоем. Идти оказалось нелегко,

ноги увязали в рассыпчатом песке почти по щиколотку. Анфисе в ее высоких сапогах было проще – красота обернулась удобством! – а Стефания, наоборот, быстро устала от засыпавшегося в обувь песка, поэтому разулась и пошла босиком.

– Обувь у нас сухая, как и одежда. Значит, сюда мы попали не вплавь, – заметила она. Анфиса посмотрела так, будто Стефания сморозила несусветную глупость.

– Конечно не вплавь, я не умею! Мы дошли до воды по суше!

Стефания готова была согласиться, если бы не смутное сомнение, затаившееся в глубинах подсознания, как паучок – в уголке своей паутины. Их ведь могли доставить сюда на лодке! Только кто и зачем это сделал – неизвестно.

Тем временем Анфиса все говорила и говорила. Из ее нервной и быстрой, как сорочий стрекот, болтовни Стефания успела-таки сделать заключение о том, что обе они оказались в очень похожей ситуации: Анфиса тоже очнулась в одиночестве на берегу, после пробуждения ею тоже овладел приступ кашля... Их могли чем-то опоить, что спровоцировало кашель и частичную амнезию. Может быть, из-за провалов в памяти им только кажется, что они впервые встретились только сейчас, а на самом деле это произошло гораздо раньше?

– Слушай, ты меня не помнишь? – перебила Стефания Анфису.

– А что, должна?

– Нет. Но мы очнулись на берегу при похожих обстоятельствах. У нас обеих провал в памяти.

– А еще Гоша пропал...

– Он должен быть где-то поблизости, – сказала Стефания скорее ради того, чтобы утешить подругу по несчастью.

– Да! Гоша меня не бросит. Точно не бросит! Обязательно отыщет. Я ж для него курица, которая снесет золотые яйца! – горячо, цепляясь за слабую надежду, выпалила Анфиса, и губы ее скривились в улыбке – то ли презрительной, то ли жалобной, не разобрать.

– То есть? – оторопела Стефания. – Ты дочка миллионера, а Гоша – твой жених?

– Нет, он мой продюсер, а я – певица. Гоша вложил в меня много денег: диск, клипы, раскрутка, все такое... Вряд ли он захочет потерять все это! Мы решили отдохнуть недельку, потому что потом начнется самая работа – концерты, интервью и так далее.

– Вот как, – рассеянно ответила Стефания. То, что с нею рядом шагала будущая звезда, несколько ее не впечатлило. Анфиса, проговорив все это с нарочитой небрежностью, красноречиво замолчала, ожидая если не жадных расспросов, то хотя бы восхищенных возгласов, но так и не дождалась, потому что Стефанию интересовало другое.

– Значит, вы с Гошей отправились в отпуск. Помнишь куда? – спросила она.

– В глухомань! – воскликнула Анфиса. – Я хотела на Бали

или хотя бы в Европу. А он повез меня сюда...

– Куда – сюда? – попыталась было уточнить Стефания, но Анфиса, набрав воздуха в грудь, чтобы ответить, внезапно осеклась. После долгой паузы и с заметной растерянностью в голосе она вымолвила:

– Не помню. Не помню!

– Ясно. Мы помним, кто мы, чем занимались, как жили раньше, но ничего из того, что связано с... гм... отпуском. Одно могу сказать – находимся мы не у моря. Вода пресная.

Тем временем окружающий пейзаж сильно изменился. На песке стали появляться островки низкорослой и пожухлой травы. Крошечные поначалу, они постепенно становились все больше и больше, сливаясь в обширные пятна. Песчаная полоса сузилась до узкой тропы, и трава подступала почти к самой воде... Правда, почему-то ни птиц, ни другой живности не было видно.

– Мертвое какое-то место, – озвучила вслух Анфиса их общие мысли. От обреченности, которая просквозила в ее тоне, стало не по себе, поэтому Стефания поспешно возразила:

– Если бы место было мертвым, вряд ли бы тут что-то росло.

– Не факт. Может, здесь радиации выше крыши? Живность вымерла, а трава растет. Да и то чахлая какая-то. И деревья хилые. Сейчас сами как надышимся!

– И отрастет у нас по третьей ноге. Будешь тогда не на

сцене выступать, а в цирке! – разозлилась Стефания. И так тошно, без подобных пророчеств. Эта Анфиса просто невыносима! То психует, то стрекочет, как сорока, то предрекает что-то ужасное...

Впрочем, «невыносимая Анфиса» не рассердилась, не вступила в перепалку, а вдруг по-девчоночьи беззаботно рассмеялась:

– Гоша офигеет! К цирку он не готов!

– Тогда не каркай, – невольно улыбнулась Стефания. Может быть, эта Анфиса совсем не плохая...

Небо, до этого чистое, стремительно затягивалось наползавшими со всех сторон тучами. Внезапно поднявшийся ветер бесцеремонно растрепал волосы, кинул в лицо пригоршню песка, смешанного с сухими травинками, нагло забрался под футболку. Стефания встревоженно покосилась на почерневшее небо.

– Дождя только не хватало!

– Да, погода не шепчет. Холодно! – поежилась Анфиса. Неудивительно, что она, легко одетая, быстро замерзла! Погода не шептала, а прямо намекала на приближающуюся бурю отдаленными раскатами грома.

– Нам надо...

– Погоди! – перебила Стефания и остановилась. – Шепот!

– Что? Ты слышишь шепот? – встрепелась Анфиса.

– Нет. Слышала! Он меня разбудил. Кто-то меня трогал и шептал на чужом языке.

– На каком?

– Не разобрала, но это не важно. А важно то, что кто-то, помимо нас, тут есть! Кто-то, кто привел меня в чувство, а потом скрылся.

– И что, даже следов не оставил? – недоверчиво спросила Анфиса. Вопрос не был лишен логики. Следов Стефания и правда не увидела, а они бы обязательно отпечатались на влажном песке. Но прикосновения к ее плечу казались такими осязаемыми, что не могли померещиться.

– Пфр-р, – по-кошачьи фыркнула Анфиса и, не дожидаясь дальнейших аргументов, зашагала вперед.

– Да-да, звучит странно. Но рядом со мной кто-то был! – воскликнула Стефания, нагоняя ее.

– Может, зверь? Или птица? Походила по тебе, поклекотала на «иностранном языке» и взлетела.

– Может, и так, – сдалась Стефания и бросила еще один встревоженный взгляд на клубившиеся низкие тучи, в толще которых сверкали первые всполохи молнии.

– Нам надо найти убежище. Срочно.

– Где тут его найдешь? – возразила Анфиса и опять оказалась права. Поросший травой берег оставался открытым, если не считать редких низкорослых деревцев с негустыми кронами.

– Тогда бежим! – скомандовала Стефания, надеясь, что дальше им встретится хоть какое-нибудь укрытие.

Будущая звезда стартанула первой и моментально развила

высокую скорость. Окликать ее Стефания не стала, решив, что Анфиса быстрее найдет убежище. Не обращая внимания на коловшую босые ступни траву, на толкавший в грудь усилившийся ветер, на боль в боку с непривычки, Стефания бежала в плотно сгущавшихся вокруг нее сумерках так быстро, как могла, стараясь не упустить из виду Анфису.

Та вдруг резко остановилась и что-то ей крикнула, но Стефания и сама заметила возле воды две фигуры. Мужчина и женщина, стоя на коленях, что-то загоразивали собой. Женщина оглянулась на шум, и Стефания увидела молодого парня. Он лежал на песке, безвольно откинув руку в сторону и погрузив ноги в воду. Склонившийся над ним мужчина пытался его реанимировать, но парень не подавал признаков жизни. Ужас и одновременно восхищение четкими действиями спасателя захлестнули Стефанию. Она подошла ближе, опустилась на колени рядом с женщиной и с тревогой спросила:

– Нужна помощь?

– Вы врач? – с надеждой вскинула на нее глаза незнакомка.

– Нет.

Женщина потеряла к ней интерес и отвернулась. Стефания беспомощно глянула на замершую в стороне Анфису, но та лишь пожала плечами, не столько выражая безразличие, сколько давая понять, что помочь ничем не может. Мужчина тем временем перевернул парня. По телу пострадавшего

прошла судорога, он издал звук, будто чем-то поперхнулся, и открыл глаза.

– Слава богу! – выдохнула женщина, отирая ладонью выступивший на лбу пот.

– Что случилось? – запоздало спросила у нее Стефания.

– Не знаю. Мы нашли его на берегу.

– Вы здесь живете? Вы с ним вместе? – вклинилась Анфиса и кивнула на мужчину, помогавшего парню сесть.

– Нет, – ответила незнакомка на оба вопроса и растерянно замерла с приоткрытым ртом, будто собиралась что-то сказать, но в последний момент передумала.

– Говорите же! – потребовала Анфиса. – Где мы находимся? Что это за место? Город, поселок? Как называется?

Вопросы вылетали один за другим, как из пулемета. Анфиса даже подалась корпусом вперед и уперла руки в бока... Только у незнакомки не было ответов ни на один из них. Она покачала головой и, отступая под напором Анфисы, сделала шаг назад.

– Что вам известно? Что случилось? – мягко спросила Стефания, уже предполагая, что она скажет.

– Я ничего не понимаю! Очнулась на берегу. Когда открыла глаза, увидела его, – кивнула женщина на мужчину, – а потом мы обнаружили этого молодого человека.

– Ясно, – сказала Стефания. – Ясно, что ничего не ясно.

– Нам нужно найти укрытие. Гроза надвигается, – вмешался в разговор мужчина и наконец-то оглянулся на вновь

прибывших. Его взгляд с любопытством скользнул по Анфисе, и, видимо, он нашел забавными ее воинственную позу и наряд под Лару Крофт. Мужчина усмехнулся, но, встретившись глазами со Стефанией, внезапно переменялся в лице:

– Ты?!

Он вскочил на ноги, позабыв о спасенном им парне.

– Вы знакомы? – встрепелась Анфиса. Такой поворот ее позабавил, она перестала хмуриться и с улыбкой обернулась к Стефании.

– Нет, мы не знакомы, – разочаровала ее та, и не обманула. Стефания готова была поклясться, что этого мужчину видела впервые, и дело тут было вовсе не в амнезии. Она не знала, что случилось перед ее пробуждением на берегу, но помнила предшествующую «отпуску» жизнь, и этого человека в ней не было. Благодаря хорошей памяти на лица Стефания узнавала спустя годы даже случайных знакомых, а уж мужчину с такой необычной внешностью она бы запомнила: на вид около тридцати лет, высокий и поджарый, словно бег или плавание входили в его обязательное ежедневное расписание, одет как будто вышел на прогулку – в широкие светло-синие джинсы с потертостями, зеленую футболку и летние кроссовки. Неформальности в его повседневный стиль добавляли серебряное колечко в брови и фенечки на запястьях. Но больше, чем браслеты и пирсинг, внимание привлекали ржаного цвета веснушки и броский цвет волос. Рыжина их была не кричащего морковного цвета, не отливала медью или

золотом, а уходила в теплый каштан. В отличие от большинства рыжих, черты лица мужчины не терялись за россыпью веснушек и не блекли на фоне прозрачной бледности, а были яркими и выразительными – в первую очередь из-за темно-каштановых бровей и того же оттенка густых ресниц, да еще глаз цвета гречишного меда с затаившейся в глубине зеленью.

– Мы не знакомы. Я обознался, – поправил себя он, но, однако, задержал на Стефании взгляд. Уголок его рта дернулся в усмешке – то ли в саркастической, то ли презрительной. Отчего она вызвала у него такую реакцию? Напомнила кого-то, с кем не сложились отношения?

– Так что насчет укрытия? – напомнила Анфиса и поежилась. – Отдала бы что угодно за теплую сухую пещеру и костер!

– Так чего же не ищешь? – не слишком дружелюбно, словно на что-то сердясь, буркнул рыжий. Анфиса фыркнула, развернулась и пошла прочь, держа спину прямо и всем своим видом показывая презрение к грубияну. Достигавший поясицы конский хвост раскачивался в такт ее шагам.

– За что вы с ней так? – вступилась за Анфису женщина, которая все это время хлопотала около очнувшегося парня.

– Я с ней никак, – отрезал рыжий и, сощурившись, посмотрел на затянутое тучами небо. – Далеко не расходимся, но укрытие ищем!

Не дожидаясь ответа и не взглянув больше ни на Стефа-

нию, ни на спасенного им парня, он быстрым шагом отправился к торчащей остроконечной шапкой невысокой скале. Анфиса опередила его и вскоре развернулась, энергично размахивая руками.

– Похоже, она что-то нашла! – обрадовалась Стефания.

– Надеюсь, не еще одного утопленника.

– Вряд ли. Далеко от берега.

Они помогли подняться парню и потихоньку, поддерживая его с обеих сторон, повели прочь от воды.

– Там пещера! – крикнула им Анфиса, указывая на что-то позади себя.

– Прямо как по заказу, – пробормотала Стефания.

Они обогнули разросшийся кустарник и увидели в скале небольшой проход с высившимся над ним козырьком плоским выступом. Неподалеку от входа, подобно состарившемуся на службе стражнику, росло растерявшее зеленую крону кривое дерево. Анфиса нырнула в пещеру первой, рыжий пропустил остальных и замкнул строй. Едва они вошли в темное и гулкое нутро, как за их спинами стеной обрушился ливень. Стемнело так внезапно, будто с небес на землю упало черное покрывало. Впрочем, это длилось недолго: уже мгновение спустя полотно неба неровно разорвала вспышка молнии, и следом грянул оглушительный гром.

– Вовремя, – прошептала Стефания, со смесью благоговения и страха глядя на буйство стихии.

Башня торчала сломанным клыком в щербатой челюсти скалистого берега, дырявила неровной верхушкой низкое небо и взирала на почерневшую воду узкими, как бойницы, окошками. Было в ее мрачном облике что-то одновременно притягательное и отталкивающее. Но любоваться башней было некогда: среди темных, как ее камень, туч уже мелькали первые всполохи. Небо гудело и рокотало, и вскорес шумом, подобным грохоту гигантского молота, обрушило свой гнев на скалы.

Макс втянул голову в плечи и пригнулся. Его испуг мог показаться даже забавным, если бы ситуация не выглядела столь плачевно. Гоня прочь вопросы без ответа, он оставил за спиной скалистый гребень и бегом направился к входу. Хоть бы удалось открыть дверь! Башня не казалась обжитой, но кем, когда и с какой целью она была выстроена, Макс гадать не стал. Сейчас ему нужно лишь укрытие.

Дверь поддалась, хотя и с усилием. Скрипнула заржавевшими петлями, треснула разошедшимся деревом, но приоткрылась ровно настолько, чтобы в проем мог втиснуться крупный мужчина. То, что дверь удалось открыть, внушало надежду, что башней пользовались в последний раз не так давно. Может, тут отыщутся ответы на все вопросы?

Макс вошел в сумрачное помещение и не столько прислу-

шался – ведь в грозовых раскатах тонул любой шум! – сколько принюхался. Пахло, как в любом запущенном и сыром доме – пылью и плесенью. Он бы предпочел, чтоб дух оказался «живым», намекающим на обитаемость: запах дыма от разведенного очага, еды или дезинфицирующих средств. Но что было, то было. Макс оставил дверь открытой, чтобы свет от разрывающих мрак молний освещал помещение, и, когда глаза привыкли к темноте, огляделся. На первый взгляд интересного оказалось мало: пустая прихожая, круто устремляющаяся вверх лестница и еще одна дверь, неприметная, как потайной ход в камерке папы Карло. Макс подергал чугунное кольцо, налег на дверь плечом, но все усилия не увенчались успехом. Ладно, сюда он вернется позже.

Поднимаясь по стертым каменным ступеням, которые в прежние времена топтало немало ног, Макс опять подивился своему приключению. Недоумение, испуг и злость ушли, уступив место любопытству. Как это он, живущий заурядной жизнью, в которой самым ярким событием до сих пор оставался не очень удачный сплав на байдарках, угодил в подобную переделку? Макс помнил в деталях свою жизнь – кем был, где жил и работал, но не знал, как оказался в безлюдном месте у неопознанного водоема – то ли гигантского озера, то ли широкой реки. Может, несмотря на зарок не поддаваться больше уговорам единственного друга Сашки и не повторять не понравившийся ему опыт сплава, он решился-таки на еще один? И что случилось? Байдарка перевернулась, его вынес-

ло на берег? Если так, то плохи дела. Его могут посчитать утопшим и прекратить поиски. А Сашка? С ним что стало? Или это был не сплав, а отпуск? Отпуск вполне мог быть! Макс припомнил, что собирался уехать куда-нибудь на пару недель, чтобы вырваться из душного офиса и такой же душевной жизни. Только собирался он точно на море – Черное или Средиземное.

Лестница казалась бесконечной. Версии случившегося иссякли, а ступени продолжали закручиваться спиралью, уводя в небо. Узкие окошки-бойницы то и дело освещались всполохами молний. Одна из таких вспышек и выхватила надпись на стене. Макс специально задержался, чтобы прочитать ее, но оказалось, что текст замазан чем-то черным, прочитать удалось только слово «нас». То, что оно было на русском языке, несколько успокоило его – значит, он находится на родине, а не за границей! Дальше Макс поднимался, приглядываясь к стенам внимательней, но надписей больше не встречалось. А он бы обрадовался и самой типичной «Здесь был Вася».

Лестница привела в небольшую комнату без углов, в центре которой стоял деревянный стол с оплавившейся свечой в подсвечнике. Макс торопливо пошарил по карманам в поисках зажигалки и тут же усмехнулся своей наивности. Даже если бы он не потерял ее, то все равно намочил бы в воде. Подумав о зажигалке, Макс вспомнил о том, что давно не курил, и, наверное, еще дольше не ел. Обычного голода он

не чувствовал, но курить захотелось невыносимо, аж до зуда в ладонях. Макс нервно почесал одну ладонь и еще раз с надеждой обыскал карманы. Пусты. Абсолютно пусты – ни документов, ни портмоне с банковскими карточками, ни сигарет. Впрочем, у него не было привычки набивать карманы, но пачка сигарет могла бы остаться!

С досады сплюнув себе под ноги, Макс в свете вспышек молнии исследовал помещение и первым делом обнаружил, что из зала куда-то ведут две наглухо запертые двери. В небольшой нише между ними стояли друг на друге деревянные ящики. В первом обнаружили жестяные банки с размокшими этикетками. Поднеся одну из них к окну, Макс успел прочитать, что это была тушенка из говядины. Помимо жестяных банок, он увидел и несколько стеклянных с белой фасолью. Если этим консервам не полвека, то с голоду он уже не умрет! Макс стащил верхний ящик на пол и открыл следующий. Во втором его ожидал подарок, ценность которого показалась ему выше ценности пропитания: запас свечей, спичечных коробков и сигаретных пачек. И ничего, что сигареты самые дешевые, непонтовые, и что картон от сырости размок, а табак стал рыхлым! Он просушит их, когда закончится гроза. Как там пел Цой? «Но если есть в кармане пачка сигарет, Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день». Найдет он выход из этого приключения! Обязательно найдет.

Макс набил карманы сигаретами и спичечными коробка-

ми, затем попробовал зажечь свечу в подсвечнике. Не сразу, но это ему удалось. Со светом стало гораздо лучше – теперь он мог лучше разглядеть находки. А что еще оставалось, если за каменными стенами бушевала буря, и он поневоле, как Рапунцель, оказался заточен в высокой башне? Когда небо настанется и нарыдается, он отправится в путь – искать людей, просить о помощи. Но это потом, а пока Макс выставил на пол все банки и пересчитал. Счет его успокаивал. Цифры оставались его стихией и внушали уверенность. Банок с мясными консервами оказалось восемь, еще три жестянки с гречневой кашей и пять – с пшенной. В стеклянных банках, помимо фасоли, был шпинат. Но как Макс ни рассматривал этикетки, срок годности так и не увидел. Во втором ящике, помимо свечей, сигарет и коробков, обнаружился мешок с галетами. Одну он осторожно надкусил, подержал в сомнениях во рту и выплюнул. У галеты был вкус размокшего картона. Так рисковать он станет лишь в том случае, если его приключения затянутся.

Макс сложил консервы обратно. Правда, когда ставил верхний ящик на место, случайно сдвинул нижний. В первый момент он не обратил внимания на небольшое пятно, но, приглядевшись, понял, что было оно еще одной надписью. Макс поднес свечу к полу и прочитал:

«Не верьте им!

Они вас убьют».

Хорошенькое дельце! Он аккуратно вернул ящик на ме-

сто, так, чтобы закрыть надпись. Тот, кто ее оставил, хотел о чем-то предупредить. Или просто пошутить, нагнать страху. Макс был не робкого десятка и любил смотреть ужастики на досуге, но в свете сложившихся обстоятельств ему стало не по себе. Поэтому когда за его спиной раздался шорох, словно кто-то медленно поднимался по лестнице, Макс нервно оглянулся и сорвавшимся на фальцет голосом спросил:

– Кто здесь?!

Глава 2

– Что ж, давайте знакомиться. Я – Марина.

Она провела рукой по коротко стриженным блондированным волосам, будто стряхивала невидимые капли, и с гордостью добавила:

– И у меня свое туристическое агентство.

Марина стрельнула заинтересованным взглядом в сторону рыжего, но тот даже не повернул головы, продолжая со скрещенными на груди руками наблюдать за буйствующей стихией.

Сейчас, присмотревшись к румянному и гладкому лицу владелицы агентства, Стефания поняла, что ей не больше тридцати двух – тридцати трех лет. Марина, безусловно, была симпатичной – с приятными чертами лица, носом-пуговкой и по-девичьи пухлыми губами. Но возраста ей прибавляли мягкая полнота, заметно поплывший овал лица и рваная стрижка, которая пошла бы больше энергичной бизнес-леди с угловатыми чертами лица или стильной юной девушке с худобой Твигги.

Рыжий не обернулся и когда представлялась Анфиса. Зато молодой человек по имени Артем заметно оживился, узнав, что в их компании находится будущая звезда. Он громко высказал одобрение и попросил ее спеть. Анфиса по-кошачьи фыркнула, давая понять, что петь она собирается не в пеще-

ре, а с большой сцены, и горделиво вскинула голову. Внимание Артема ей польстило: был он молод, лет двадцати, и, хоть не отличался высоким ростом, симпатичен. Светлые волосы высохли и падали ему на лоб, Артем то и дело откидывал их небрежным жестом, который, как заподозрила Стефания, был отрепетирован. Впечатление производили и его белозубая улыбка, и явная схожесть во внешности с актером Ди Каприо времен съемок в «Титанике». Анфиса украдкой окинула Артема взглядом и чуть улыбнулась – не ему, а своим мыслям.

– Зовите меня лучше Тема. Я дизайнер. Визитки, логотипы... Если понадобится – обращайтесь.

На прозвучавшую как шутка последнюю фразу они отреагировали улыбками. Артем был обаятелен и открыт – в отличие от державшегося отстраненно рыжего. Когда настала очередь Стефании рассказывать о себе, рыжий вдруг дернул плечом, будто его в шею укусил комар, но не оглянулся. Стефания представилась и по примеру других назвала профессию – микробиолог.

– Какое прекрасное имя! – громко восхитился Тема. Анфиса ревниво стрельнула взглядом – ее имя тоже было необычным и красивым, но, однако, осталось без комментариев!

– А сокращенно как? Стефи? Стеша? Стефа? – продолжал расспрашивать Артем. Рыжий внезапно оглянулся и с ядовитой усмешкой произнес:

– Степа! Стефания – это Степанида по-нашему. Значит – Степа.

– Мне не нравится, когда коверкают мое имя, – дрожащим от негодования голосом ответила ему Стефания. – Может, представиться и вы? Чтобы мы тоже могли всласть наиздеваться?

– Стефи, не сердись! – примирительно пробормотал Артем, заступаясь за своего спасителя. Но ни Стефания, ни рыжий не обратили на него внимания, в молчаливом поединке испепеляя друг друга взглядами. Первым сдался рыжий, бросив имя, как шпагу:

– Данила.

И усмехнулся:

– Вперед! Издевайтесь.

– Красивое имя, – поспешно вмешалась Марина, – наше, родное... Вам идет! А кем вы работаете?

– А какая разница? – пожал плечами Данила. – Какой толк здесь от наших профессий? Кому вы собираетесь продавать путевки? Или на кой нам сдались визитки? Разве что Стефания биологический анализ воды проведет, да и то сомнительно – без реактивов и микроскопа! Или Анфиса нам споет – для поднятия боевого духа.

– И все же? – строго спросила Марина, явно задетая его тоном.

– Фрилансер, – ответил он нехотя, чтобы просто отделаться.

– Теперь, когда мы познакомились, нужно понять, что с нами случилось, – провозгласила Марина, сама назначившая себя ведущей. – Ваши версии?

Она обвела всех взглядом, словно учительница – притихших учеников.

– Нас чем-то опоили и привезли сюда! – откликнулась первой, как отличница, Анфиса.

– Зачем? С какой целью? – наставила на нее палец Марина. Но тут вмешался Артем:

– Потому что это шоу! Типа «Последнего героя»!

Он даже огляделся, будто желая отыскать прикрепленные к стенам пещеры камеры. Марина с Анфисой живо подключились к обсуждению этой версии. Только рыжий и Стефания не приняли участия в беседе. Она – потому что настроение, и без того хмурое из-за непонятной ситуации, после нападок Данилы упало до минус первой степени. А он, держась ближе к выходу, продолжал созерцать погоду, словно ничего важнее грозы для него в этот момент не было. В какой-то момент рыжий машинально стянул с запястья одну из «фенечек», оказавшуюся простой резинкой, и завязал волнистые волосы в короткий узел на затылке. Вид с такой прической стал у него еще более неформальным и одновременно стильным. Может, он художник? Или музыкант? Или манекенщик – с его-то ростом?

Под мало что объясняющим определением «фрилансер» мог скрываться любой род занятий. Сложно было предста-

вить Данилу в офисе, хотя деловые костюмы ему бы, наверное, пошли. Его прическа и рыжина привнесли бы в строгий стиль немного бунтарства, тем самым оживив образ. Впрочем, рассматривая исподтишка рыжего, Стефания не столько «примеряла» на него образы, сколько пыталась вспомнить, где они встречались. Может, Данила когда-то и мелькнул в ее жизни – настолько быстро, что она его, вопреки хорошей памяти, не запомнила, тогда как он ее – да? Причем от встречи с ней у него остались неприятные воспоминания.

Да нет, глупости. Не пересекалась она раньше с этим Данилой! Скорей всего, как Стефания предположила с самого начала, она кого-то ему напонила. Рыжий вдруг развернулся, и Стефания, застигнутая врасплох, не успела отвести взгляд. Зелень в глазах Данилы сгустилась до холодного изумруда, поглотив гречишный мед. Но Стефания стойко выдержала его взгляд. Правда, новый поединок длился всего мгновение. Рыжий поспешно отвернулся и громко объявил: – Гроза закончилась!

Его слова произвели такой эффект, будто сообщил он о наступлении Нового года. Анфиса и Артем дружно возликовали, Марина хлопнула в ладоши и торопливо поднялась на ноги. Всем не терпелось выйти на свет, словно они провели в заточении не с час, а долгие годы. Но хотя к выходу ближе всех стоял Данила, первой наружу выскочила Анфиса, заплясала на мокром песке, вздевая руки к посветлевшему небу, и радостно воскликнула:

– А вот и костер! Как по заказу!

Одна из молний попала в сухое дерево, и теперь оно пылало подобно гигантскому факелу. С одной стороны, зрелище пугало своей стихийностью, с другой – завораживало. Мертвое дерево будто ожило, заворочалось огненным гигантом, раскинуло пылающие руки в обжигающих объятиях, трескучим голосом забормотало заклинания. Стефания невольно отступила, а бесстрашная или просто замерзшая Анфиса, игнорируя предупреждающие возгласы, ринулась вперед. За ней, опережая всех, кинулся Артем. Никто, включая саму Анфису, еще не успел понять, что произошло, а парень уже сбил девушку с ног, повалил на влажный песок и захлопал по ней руками.

– Дура! – процедил сквозь зубы Данила и бросился на помощь. Только тогда опешившим Марине и Стефании стало ясно, что произошло. То ли Анфиса слишком близко подошла к костру, то ли одна из летевших от горящего дерева искр попала ей в волосы, но по тем пробежал всполох, который и заметил Артем. Возмущенный вопль Анфисы перерос в испуганный визг, а затем, когда она увидела, что лишилась доброй части волос – в перемежаемые ругательствами причитания.

– Такая красивая девушка и так некрасиво ругается, – с тихим осуждением пробормотала Марина.

– Вы тоже бы некрасиво ругались, если бы сгорели ваши волосы, – возразила Стефания. Протиснувшись между Да-

нилой и Артемом, она присела на корточки перед всхлипывающей и богохульствующей Анфисой.

– Тише, тише... Главное, сама не обожглась! Волосы не зубы, отрастут, – бормотала она, стараясь одновременно успокоить и осмотреть Анфису. Ожогов, к счастью, не оказалось, пострадали только ее длинные волосы, от шикарного хвоста осталась лишь часть. Но это казалось мелочью в сравнении с тем, что могло бы случиться, не среагируй Артем так быстро.

– Куда ж тебя понесло! – не сдержался Данила. Стефания бросила на него предостерегающий взгляд, не особенно, впрочем, надеясь на то, что он возымеет свое действие, но рыжий уже присел рядом и вытащил из кармана складной нож.

– Нужно обрезать.

Анфиса нехотя повернулась к нему спиной, и Данила кое-как подровнял ей волосы. Вышло криво, но обгорелые кончики оказались срезанными. Анфиса потрогала значительно укороченный хвост и снова громко всхлипнула.

– Главное, сама не пострадала, – буркнул Данила, поднимаясь на ноги.

– Гоша будет в шоке! – плаксиво пожаловалась Анфиса. – Я же на всех афишах с длинными волосами!

– Главное, что у тебя не третья нога отросла, – пошутила Стефания, и Анфиса наконец-то улыбнулась.

– А Гоша кто такой? – встрял Артем, но его перебила об-

ратившаяся к Даниле Марина:

– Откуда у вас нож?

– Всегда ношу с собой – так, на всякий случай. Хотя под-
резать неразумным девицам волосы мне еще не приходи-
лось!

– Ни у кого из нас не осталось личных вещей! Карманы
пусты, сумки тоже пропали, – в подтверждение своих слов
Марина вывернула карманы длинного светло-зеленого сара-
фана.

– Ну, у меня нож сохранился, – пожал плечами Данила и
отошел к пылающему дереву. Казалось, он моментально по-
терял интерес и к Анфисе, и к хлопочущей вокруг нее компа-
нии. Понаблюдав за костром с безопасного расстояния, Да-
нила развернулся и направился куда-то по берегу.

– Куда вы? – всполошилась Марина.

– Искать. Исследовать. – Он опять пожал плечами. – Оста-
вайтесь греться у огня, если это для вас важнее. А мне неин-
тересно голословно гадать, где я и почему тут оказался.

– Он прав, – поддержал Данилу Артем, проворно вско-
чил на ноги и галантно подал руку Анфисе. Скучковавшись в
небольшую компанию, они побрели следом за уверенно иду-
щим впереди рыжим. Артем, Анфиса и Марина продолжа-
ли выдвигать новые версии, но из всех возможных предпо-
ложений больше всех им нравилась идея с шоу. Они то и де-
ло оглядывались по сторонам, словно надеялись, что из-за
кустов вот-вот выйдет ведущий, представит их зрителям и

объяснит правила игры.

– Есть хочется, – громко и недовольно, словно сердясь на то, что устроители шоу так долго морят их голодом, объявила Анфиса. Марина в шутку хохотнула, что в таких условиях, наоборот, надеется похудеть. А Артем задумчиво протянул, что можно наловить рыбы и запечь ее.

– И умеешь ты ее ловить, рыбу? – насмешливо бросил Данила, слышавший весь разговор.

– Ну... С отцом однажды на рыбалку ездил.

– С удочками и прочим снаряжением, – покивал рыжий. – Если умудишься поймать рыбу голыми руками, будет тебе зачет.

– А ты что-то можешь предложить? – разозлился Артем. – Только и знаешь, что язвить!

– Короткая же у тебя память! Если в следующий раз будешь тонуть, ко мне не обращайся.

– Я не обращался! – покраснел то ли от злости, то ли от смущения Артем.

– Значит, я ошибся. Надо было оставить тебя мордой в воде.

– Мальчики, прекратите! – вмешалась Марина. Рыжий вскинул бровь, явно собираясь ответить ей на «мальчики», но в последний момент сдержался.

– Там впереди скала! – воскликнула Стефания, переключая внимание с назревающей ссоры. Скалистый гребень показался неожиданно и, будто борт гигантского корабля, от-

резал не только путь и видимость, но и заслонил собой часть неба.

– Ничего себе! – присвистнул Артем и почесал затылок. – У кого-нибудь есть с собой альпинистское снаряжение?

Никто не посмеялся над его шуткой, даже рыжий промолчал, потому что перебраться через отвесную скалу без специального снаряжения не представлялось возможным. Везде, куда хватало глаз, тянулась воздвигнутая природой стена.

– Ну что, назад? – спросила Марина, оглядывая препятствие.

– Так сразу сдать? – прищурился Артем. – Где-нибудь эта скала закончится! Если идти вдоль нее, куда-нибудь выйдем.

Анфиса мгновенно подобралась, готовая следовать дальше, и тем самым вызвала у Стефании еще большую симпатию. Первое впечатление оказалось обманчивым! Будущая звезда не ныла, не капризничала и, похоже, была со стержнем. А может, продолжала считать, что их снимают скрытые камеры и не желала выглядеть перед зрителями слабачкой?

– Скала уходит в воду, – сказал рыжий. Приложив ладонь ко лбу, он всматривался в туман, в котором растворялись темные очертания гребня. – У нас две возможности обойти ее – по суше или вплавь.

– Я не умею плавать! – воскликнула Анфиса и на всякий случай отступила от воды.

– Не ты одна, – отозвался Данила и насмешливо покосил-

ся на Артема.

– Я умею плавать! Может, меня скинули в воду в бессознательном состоянии! Мы же не знаем, что с нами случилось!

– Ок. Тогда по суше, – распорядился рыжий, – хотя гребень в воде кажется меньше, чем на земле.

– Можно разделиться! Часть нас пойдет в глубь берега, а часть... то есть желающие, поплывет.

– И все желающие хорошо плавают? Или опять придется утопленников откачивать?

– Желающий пока только ты!

– Мы напрасно спорим, – вмешалась Марина, – скоро стемнеет. Если разделимся, рискуем потерять не только время, но и друг друга. Идем вдоль скалы по суше, а там будет видно. Если что, вернемся в пещеру и переночуем там.

– Хорошо бы и об ужине подумать, – вздохнула Анфиса.

– лягушек наловим и на костре зажарим, – бросил то ли в шутку, то ли всерьез Данила, и Анфиса соорудила брезгливую гримаску.

– А что? лягушки – это вкусно! Я ела в Париже, – заметила Марина. – А в Испании пробовала улиток.

– Что вы ели в азиатских странах, уточнять, надеюсь, не будете, – съязвил рыжий.

– Азия – не мое направление. Ну что вы как дети, в самом деле? Скучно, поэтому спорите?

Данила не ответил. Он молча развернулся и первым по-

шел вдоль гребня. За ним последовали Артем с Анфисой, группу замыкали Стефания и Марина. Шли молча, устав от неопределенности и приключений, от споров и от накатывающего вместе с наступающими сумерками холода. Пока позволяла видимость, Данила оглядывал гребень в поисках места, где можно через него перебраться, но скалы по-прежнему тянулись бесконечной и неприступной грядой. Ничего не менялось, дорога будто закольцевалась, и они, пленники, а не путники, метр за метром шагали по одним и тем же местам. Но в тот момент, когда в их неровном строю раздались первые жалобы, Данила резко остановился и предупреждающе вскинул руку.

– Что такое? Что-то увидел? Или услышал? – заволновались остальные.

– Тише!

Они разом замолчали, не зная, то ли прислушиваться, то ли вглядываться в сгущающуюся темноту.

– Кто-то шумел. Может, зверь или птица.

– Зверей и птиц нам не надо! Нам нужен человек! Тот, который сказал бы, где мы находимся! – зазвеневшим от раздражения голосом ответила Анфиса.

– А кто-то жаловался на голод! Зверь или птица нам быгодились.

– А охотиться как?

– Да тише вы! – вновь оборвала едва разгоревшийся спор Марина, но недолгую тишину тут же нарушил Артем:

– Эй! Мы здесь! Помогите!

– Чего блажишь! – рассердилась Марина. Данила медленно вытащил из кармана складной нож, открыл лезвие и снова сделал знак замолчать. Стараясь не производить шума, он двинулся вперед, а за ним так же тихо потянулись остальные. Но, как они ни прислушивались, никаких звуков, кроме шороха их шагов, не раздавалось.

– Возможно, мы спугнули птицу, – предположила Стефания.

– Думаю, нам лучше повернуть назад, – сдался Данила и указал на что-то белеющее в темноте. – Дальше не скалы, а высокая стена. И тянется она, похоже, далеко.

– Стена? Кто-то выстроил стену? – заинтересовался Артем и побежал вперед, чтобы удостовериться.

– Нам лучше не разделяться! – крикнула ему Анфиса.

– Ну, что за непослушный молодой человек! – осуждающе покачала головой Марина. – Артем, мало вам приключений?

Он с неохотой вернулся, всем своим видом демонстрируя несогласие с мнением большинства. Артему явно хотелось продолжить поиски, в его крови бурлил адреналин и жажда приключений, а ему предлагают скучную ночевку в выстуженной пещере! Но исследовать незнакомое место в темноте и в одиночку он, похоже, не был готов.

Костер не успел погаснуть и горел в темноте, указывая обратный путь. Когда они вернулись к пещере, Стефания про-

тянула руки к огню. Только тогда, когда блаженное тепло лизнуло ладони, она поняла, как сильно замерзла. Анфиса, в отличие от нее, так и осталась стоять в стороне, с опаской глядя на редкие всполохи. Усталость навалилась разом, придавила тяжестью и разлилась опасной слабостью по телу. Стефания осторожно опустилась на песок и протянула к тлеющему остову дерева не только руки, но и ноги.

– Переночуем здесь. В пещере холодно. Будем по очереди дежурить и следить за огнем, – распорядился Данила, успевший притащить откуда-то веток и тонкое бревнышко. Никто возражать не стал – то ли выбились из сил, то ли признали его правоту.

Устраивались на ночлег молча, измученные усталостью и неведением. Марина первой улеглась на песок неподалеку от костра и по-детски подложила под щеку обе ладони. Анфиса долго возилась, жалуясь на холод. Артем лег неподалеку от нее и мгновенно уснул. А Стефания, хоть и лежала неподвижно, долго не могла расслабиться. И дело было не в неудобстве, не в скулившем в желудке голоде, а во внезапно накотившем чувстве одиночества. Ощущение затерянности во Вселенной среди миллиарда звезд оказалось таким сильным и жутким, что она до крови закусил губу, чтобы не расплакаться, а затем зажмурилась – крепко-крепко, до рези в глазах и огненных кругов перед ними. Но слезы все равно заструились по щекам, стекая на футболку. Стефания пошевелилась, разворачиваясь лицом к костру. Слезы рождаются

в темноте, а на свету стыдливо высыхают. Она не одна! Общая ситуация объединила их – незнакомых и разных людей, сжала, как пять пальцев, в крепкий кулак. И пусть день они провели в спорах, общая цель сточит острые углы в отношениях. А цель у них есть. Даже не одна, а много мелких, но жизненно важных! Сначала – отдохнуть и поддержать огонь. Затем – найти пропитание. И так, цель за целью, как ступенька за ступенькой, они преодолеют эту лестницу и выйдут к прежней жизни.

Уже сухими глазами Стефания следила, как рыжий возится у костра. Судя по тому, как он энергично подкидывал в огонь ветки и ворошил прутом угли, усталости и сонливости Данила не испытывал. А может, энергии и сил ему придавало пламя? Темная рыжина его волос в отблесках костра приняла огненный оттенок. Было в движениях мужчины и том молчаливом спокойствии, с каким он глядел на полыхающее дерево, что-то мистическое, возвышенное, словно он совершал некое таинство – через огонь общался с духами и богами, задавал им вопросы и читал во всполохах ответы. И Стефания, замороженная этой картиной – рыжим на фоне огня, успокоилась и сама не заметила, как уснула.

...Косой дождь зло, словно издеваясь, хлестал ледяными ладонями по щекам. От этих болезненных, но отнюдь не отрезвляющих пощечин не спасали ни зонт, ни поднятый воротник, поэтому когда хулиганистый ветер вырвал зонт

и отшвырнул его за соседний холмик, Стефания даже не пошевелилась. Дождь застучал по затылку с такой настойчивостью, будто пытался пробить темечко и добраться до мозга. Она и сама была бы рада открыть вскипающий от горьких мыслей мозг ледяным струям, да только и в этом ей было отказано.

Стоять на подгибающихся ногах было так тяжело, словно гранитная плита, в которую упирался взгляд, давила не на землю, а на плечи. Стефания то и дело перечитывала строчки, начертанные золотом на черном, и пыталась осознать случившееся, поверить и принять... Но не получалось. Ее не было три дня! Всего три дня, которые в суете, встречах и мероприятиях должны были пролететь как одно мгновение. Но и за такое короткое время случилось многое.

Стефания переступила промокившими ногами и поскользнулась на размокнувшей земле. Она нелепо взмахнула руками, откинулась назад, затем качнулась вперед – к свежему холмику, выставила вперед беззащитные ладони и каким-то чудом не упала. Подумалось, что она на самом деле раскачивается, как начинающий канатоходец, на уходящем из-под ног тресе, цепляясь за воздух и понимая, что никто не подставит ей плечо, что удержать равновесие ей нужно самой.

Стефания скользнула прощальным взглядом по свежему букетику цветов на могиле, развернулась, чтобы уйти, и заметила стоявшего поодаль мужчину в черной куртке и накинута на голову капюшоне. Незнакомец опустил голову,

пряча лицо, но Стефания сразу поняла, что наблюдает он за ней. Он не скрывался и занял позицию, с которой хорошо просматривалась могила. Мужчина не двигался, не ссутулился скорбно, как другие посетители кладбища, напротив – стоял неподвижно, широко расставив ноги и засунув руки в карманы. Он действительно наблюдал за Стефанией, и, когда заметил, что она собирается уйти, развернулся и пошел прочь, даже руки из карманов не вынул. За поворотом мужчина исчез, будто растворился в дождливой дымке, подобно призраку. А Стефанией овладел такой ужас, что она, оскальзываясь и рискуя упасть в лужу, бросилась с кладбища бегом.

Кто-то ощутимо ткнул ее в плечо, и от этого бесцеремонного толчка Стефания проснулась. Она открыла глаза и беспомощно заморгала, пытаясь принять реальность – другую, неприятную, но не такую ужасную хотя бы потому, что в настоящем еще можно что-то изменить, тогда как в прошлом – уже нет.

– Кошмары снились? – усмехнулся рыжий, стоя над ней и закрывая небо. Стефания спросонья не сразу сообразила, что темнота растворилась не в отблесках костра, а в тусклом свете раннего утра. Хотя Данила бесцеремонно разбудил ее, она была благодарна ему за то, что он вырвал ее из неприятного сна. Кошмар был таким не из-за образов, а из-за того, что в точности повторял пережитые в реальности события.

– Который час? – спросила она, поднимаясь. Рыжий вскинул левую руку и посмотрел на обвитое кожаными шнурками запястье.

– Время вставать следующему дежурному.

Стефания невольно улыбнулась собственной оплошности, ведь ни у кого из них не оказалось часов. Но Данила оставался серьезен:

– Твоя очередь. Следи за костром! Там ветки.

Он кивнул куда-то в сторону, а затем, вместо того чтобы прилечь, пошел прочь.

– Ты куда? – вырвалось у Стефании не столько из любопытства, сколько из-за тревоги. Рыжий дернул плечом, но не оглянулся. Стефания проводила его взглядом и тихо хмыкнула. Ладно, как знает. Не маленький.

Костер не полыхал так, как накануне, древесина тлела уютно и жарко. Но чтобы огонь не погас, нужно подкинуть веток и бревнышек. Стефания развернулась и, увидев за спиной бодрствующую Марину, вскрикнула от неожиданности.

– Не хотела тебя напугать!

– Почему вы не спите?

– Давай уж на «ты», – поморщилась Марина, – вроде почти ровесницы! Да и вот это все...

Она обвела рукой берег, и Стефания улыбнулась. Смешно и правда выкать друг другу, когда ситуация поставила всех на одну доску.

– Ложись. Я покараулю за тебя. Все равно не спится, –

великодушно предложила Марина. — Я привыкла рано вставать, в полшестого.

Она посмотрела на светлеющее небо и удовлетворенно кивнула:

— По мне можно как по часам время узнавать. Сейчас около шести.

— Данила дежурил всю ночь? Никого не разбудил? — удивилась и невольно восхитилась выносливостью рыжего Стефания.

— Да лучше б спал! Если он с недосыпа опять будет кусачий, как крокодил, то...

Марина не договорила, и они обе тихо, чтобы не разбудить остальных, рассмеялись.

— Пойду поищу веток, — сказала Стефания, — все равно уже проснулась.

— Далеко не уходи!

— Да, конечно.

Оставив за спиной костер, дежурившую возле него Мари-ну и сладко спящую парочку, Стефания побрела по берегу в ту сторону, куда ушел рыжий. Не то чтобы ей хотелось следовать за ним или ее глодало любопытство, но некая тревога заставила выбрать это, а не противоположное направление. Она хотела только издали убедиться, что с рыжим все в порядке, что ему не пришло в голову лезть без страховки на скалу или совершить еще какую-нибудь глупость.

Как и подозревала Стефания, Данилу она нашла у скалы,

врезавшейся в сушу подобно длинному лезвию. Он стоял у самой кромки воды и вглядывался в теряющуюся в тумане даль. Стефания замедлила шаг, но прятаться не стала – глупо, да и незачем. Рыжий не столько услышал ее, сколько почувствовал, оглянулся, а затем развернулся и скрестил на груди руки.

– А костер? – строго спросил он.

– Возле него осталась Марина. А меня отправила за ветками, – слукавила Стефания. Данилу ответ, похоже, удовлетворил. Тут же потеряв к ней интерес, он наклонился и принялся расшнуровывать кроссовки.

– Что ты хочешь сделать?

– Душ принять, – буркнул он и запихнул в кроссовки носки.

– Но... Холодно же!

Только от мысли, что кому-то пришло в голову лезть в непрогретую с ночи воду таким свежим утром, ее передернуло, а кожа покрылась мурашками.

– Если тебе холодно, иди грейся у костра. Я тебя не звал.

– Слушай, может, хватит, а? – рассердилась Стефания. – Хватит нападать на людей, и в частности на меня! Что я тебе сделала?

Он задержал на ней взгляд, и в его глазах холодная зелень вновь поглотила теплый мед. Уголок его рта дернулся, но затем рыжий, словно спохватившись, расплылся в нарочито-дурашливой усмешке:

– Ты слишком самоуверенна! Я так отношусь не к тебе, а ко всем.

– Добрее надо быть с людьми! Огрызаешься, как собака...

Данила снова скрестил руки на груди, сделал шаг вперед, так, что оказался в полуметре от Стефании, и тихо, будто сдерживая закипающее раздражение, ответил:

– Собаки, в отличие от людей, не подлые и не лживые. Я им доверяю куда больше!

– Это в тебе какой-то максимализм играет! Взрослый мужчина, а ведешь себя как обиженный подросток!

– А ты – как старая брюзга, которая лезет со своими нравочениями туда, куда не просят!

Стефания выдержала его взгляд и даже не отступила. Он, словно меряясь с нею силой, тоже не отводил глаза... И, выждав некоторое время, усмехнулся – свысока, а не потому, что признавал за собой проигрыш. Он преспокойно стянул с себя футболку, швырнул ее на песок и дернул «молнию» на джинсах. Стефания поспешно отвернулась, но успела заметить на оголившейся выше локтя руке Данилы безобразный шрам, будто оставшийся после рваной раны.

Конечно, ей бы стоило уйти, оставив рыжего с его неверием в людей и юношеским максимализмом наедине. Пусть купается в холодной воде, если ему так вздумалось, авось, остынет! Она даже развернулась и направилась вдоль скалы тем же путем, по которому они ходили вчера, но что-то заставило ее вернуться.

Это неправильно – уходить! Пусть даже этот взрослый и спортивный мужчина не нуждается в опеке. Неправильно – в их неправильной ситуации, когда они не должны действовать порознь, а наоборот, обязаны держаться друг друга. Стефания села на песок, чтобы издали последить за рыжим. Когда она убедится, что он благополучно вернулся на берег – уйдет в их импровизированный лагерь.

Рыжий плыл от берега вдоль уходящей в воду скалы сильными и широкими гребками. Стефания вновь усомнилась в том, правильно ли делает, карауля его на берегу. С таким хорошим пловцом ничего не должно случиться! Скорее всего, Данила, как и хотел, решил обогнуть скалу по воде. Однако она осталась сидеть на месте, а когда рыжий внезапно исчез в тумане, поднялась на ноги.

Его не было довольно долго – настолько, что Стефания всерьез заволновалась, подошла к воде и едва не выкрикнула его имя. Когда наконец-то она увидела Данилу, плывущего к берегу, то внезапно разозлилась на него за то, что заставил ее волноваться, а заодно и на себя – за то, что волновалась за не заслуживающего этого.

Рыжий, конечно, увидел ее, уходить не было смысла. Стефания приготовилась защищаться от насмешек, которыми он наверняка ее осыплет. Данила вышел из воды, и ее взгляд уперся в его голый торс, скользнул по россыпи веснушек на плечах и невольно задержался на темно-рыжий волосках, покрывающих грудь. О том, что она собралась держать оборо-

ну, Стефания на мгновение забыла, но тут же спохватилась, что язва-Данила расценит ее взгляд по-своему, и поспешно подняла глаза. Она ожидала увидеть кривившую его губы усмешку – ведь от него явно не укрылось то, что его рассматривали! – но внезапно обнаружила, что Данила излишне даже для своей масти бледен, а в глазах вместо насмешки плещется тревога. Что-то рыжий обнаружил, что если не напугало его, то изрядно беспокоило.

* * *

Ночь выдалась странной, самой странной в его тридцатипятилетней жизни. Даже ночевки у костра в походе казались теперь Максу вполне обыденными. И дело было не только в том, что оказался он в необычных обстоятельствах – ночевал непонятно где, без удобств и на голодный желудок, в компании такого же товарища по несчастью, с которым они были едва знакомы – а в самих ощущениях. Есть от чего впасть в отчаяние, ругаться и злиться, а ему неожиданно стало интересно!

Только сейчас Макс понял, насколько увяз, как в осточертевшей колее, в своей благополучной жизни, в которой все было предсказуемо и расписано. Даже на рабочие форс-мажоры он научился реагировать спокойно, как на нечто обязательное в его жизни, решаемое, а потому – скучное. Это приключение освежило, будто ледяной душ, зарядило бод-

ростью и неожиданно пробудило скрытые ресурсы. Однажды Макс посмотрел фильм «Игра» и частично позавидовал главному герою. Нет, не его богатству, хоть сам он жил в достатке, но не в излишестве, а адреналиновым приключениям, выпавшим на долю героя, и в первую очередь его отваге. Макс был излишне осторожным, даже отчасти трусливым, и сам это признавал. О приключениях он мечтал втайне, но не решился ни на поездку в нецивилизованную страну, ни на то, чтобы освоить серфинг или сноуборд, прыгнуть с парашютом или просто покататься в Альпах на лыжах. Не хватало духу! Единственным исключением стал сплав на байдарках, и то потому, что за него все решил друг.

А сейчас Макс оказался в экстремальной ситуации, но как – не помнил! Может, агентство, специализирующееся на розыгрышах, действительно существует, и коллеги сделали скучному и предсказуемому Максиму подарок на день рождения? То-то Свиридов последние дни перед его отпуском подозрительно на него косился, а Светочка из соседнего кабинета то и дело перешептывалась с секретаршей Люсей. И незадолго до дня рождения Макс за обедом с Николаем Павловичем из отдела продаж и Степой Цукатовым вспоминали фильм «Игра». Все складывается! Но если коллеги втянули его в такую авантюру, он должен вести себя достойно. Игра когда-нибудь окончится, коллеги встретят его с улыбками, тортом и плакатами. И Макс должен выйти на публику героем с восторженными глазами.

Только быть героем пока не получалось — если, конечно, не считать заботы о неожиданно свалившемся ему на голову товарище по несчастью. Пусть в первый момент Макс и встретил его испуганным криком, но это от неожиданности, только и всего.

Незнакомец был в плачевном состоянии: витал в прострации, таранился расширенными глазами в темноту и что-то беззвучно пытался сказать, а потом слабо махнул рукой, опустился на пол и грузно привалился к каменной стене. Вот тогда Макс и встряхнулся, перестал злиться и недоумевать, а бросился помогать несчастному. Первым делом его осмотрел и, к своему облегчению, не обнаружил сильных повреждений, только несколько царапин на виске и тыльной стороне ладони. Незнакомец прикрыл глаза и задышал ровнее и спокойнее, как засыпающий человек. Но, однако, не уснул, поднял веки, остановил вполне осмысленный взгляд на Максе и спросил:

— Ты кто?

— Я Макс. Макс Лагунов.

— Это ни о чем мне не говорит, — устало выдохнул мужчина. — Где я? Где мы находимся?

Макс ответил товарищу по несчастью терпеливо и как можно спокойнее:

— Мы находимся в башне. К сожалению, мне известно только это. Я не знаю, что случилось. Очнулся на берегу близко от воды, нашел эту башню и спрятался от грозы. Это

все.

– Негусто, – слабо улыбнулся пострадавший, затем наморщил лоб, словно пытался что-то вспомнить, и с тревогой спросил:

– А девушка? Девушку не видел? Красивую, с длинными черными волосами?

– Нет.

– Куда же она... – задумчиво пробормотал он, слабо пошевелился и запоздало представился: – Я Григорий. Можно Гоша.

К ночи Григорию стало совсем плохо. Его щеки и лоб побагровели и пылали жаром, тело сотрясала крупная дрожь. Он громко стонал и слал проклятия, но неумелую помощь не отвергал. Макс старательно сдерживался, чтобы не разрядиться ответной руганью, потому что болезнь Гоши сбивала ему все планы. Он-то планировал двинуть дальше по берегу – осмотреться, поискать тайные знаки и подсказки, а пришлось возиться с неблагодарным больным! Впрочем, с ситуацией примиряло подозрение, что Григорий на самом деле – подставной персонаж, новое испытание. Может, к утру он смоем с лица искусственный румянец и вытащит из кармана записку с «ключом». Правда, температура у Гоши поднялась вполне натурально, но, кто знает, может, есть средства, способные ненадолго вызвать сильный жар?

Когда больной в очередной раз пожаловался на холод, Макс спустился с башни, чтобы развести костер. Он стара-

тельно пытался вспомнить все, что видел в походе, но на практике ничего не выходило. Мокрые после дождя ветки отказывались даже тлеть. Он сделал несколько энергичных движений, чтобы согреться, огляделся вокруг... Башня выходила окнами на берег, но за нею густо разрастался кустарник, а чуть дальше темнела лесная полоса. Макс отправился на поиски сухого валежника, но едва завернул за башню, как услышал шум, будто некто пробирался через кусты. Зверь или человек? Макс остановился и постарался затаиться.

Кусты снова зашумели, потом мелькнула тень – гротескная, растянутая в стороны до такой степени, что от силуэта остался лишь намек. Тень будто жила своей жизнью, казалась не плоской, а объемной, двигалась так, словно перетекала вязкая жидкость. И самое удивительное – она производила шум!

Макс тихо попятился и задним ходом вернулся в башню. Немного подождав, он осторожно высунулся из-за двери. Никого! Но возобновлять попытки разжечь костер он не стал, прикрыл за собой дверь и поднялся по лестнице.

Григория он обнаружил распластавшимся на полу. Не на шутку испугавшись, Макс кинулся к больному, присел и осторожно коснулся его оголившейся шеи, но тут же и отдернул руку, потому что кожа у Гоши оказалась ледяной, как каменный пол.

Глава 3

На самом деле, у Данилы не было никакого желания окунаться в ледяную воду. Он только собирался осмотреть в одиночестве окрестности и примериться к маршрутам, но появление «этой», как он называл про себя Стефанию, не оставило другого выбора.

– Что ты собираешься делать? – спросила она.

– Принять душ, – зло ответил он, поняв, что уплыть – это единственный способ отделаться от нее хотя бы на четверть часа.

Вода резанула холодом, будто тысяча острых лезвий одновременно чиркнули по коже. Данила даже зашипел, но затем сделал несколько энергичных гребков и поплыл с такой скоростью, словно участвовал в олимпийском заплыве – подальше не от берега, а от «этой».

Прошло уже столько времени! Не заживающие, казалось, раны затянулись, превратились в грубые рубцы. И имя «этой», выведенное чернильной ненавистью в сердце, хоть не исчезло, но значительно поблекло. Даже бушевавшая в душе непримиримость стихла, как море при смене погоды. Ему казалось, что он никогда больше не услышит ни ее имя, ни встретится с ней лично. А вот надо же... Попытка сбежать от себя – плохая идея, все равно что стремиться обогнать ветер. И все же по мере того, как согревалось тело, в

душе восстанавливался покой. Относительный, допустимый при подобных обстоятельствах.

До сих пор оставалось непонятным, как он оказался на проклятом берегу. Последнее, что Данила помнил, был разговор с Анжелой. В памяти всплыла недовольная гримаска девушки и брошенная с нарочитым безразличием фраза: «Ну, если тебе так хочется! Только меня с собой не тащи!» Разговор состоялся в комнате на фоне разобранной постели, и это была не его, и не Анжелы квартира. Обстановка напоминала гостиничную, но не фешенебельного отеля, а небольшого пансионата на несколько номеров. Домашнюю ноту в интерьер приносили тюлевые занавески, клетчатое покрывало, небрежно брошенное в кресло, полированный секретер и букет садовых цветов в вазе. Анжела предпочитала красные розы, значит, букет был комплиментом от персонала, а не подарком от него. Даниле отчетливо запомнился аромат цветов – запах зелени, пряной гвоздики и почему-то перца. Что же случилось потом, после этой небольшой сценки, которая и размовкой-то не была? Они с Анжелой могли договориться: он – отправиться туда, куда собирался, а она – на так любимый ею шопинг. Но вот куда он все-таки пошел? Анжела наверняка уже егохватила и подняла на уши персонал гостиницы. Это хорошо, если его ищут! А если учесть, что в непонятной ситуации оказался не он один, то шансы на то, что их хватятся и организуют поиски, многократно увеличиваются.

Участие в реалити-шоу, как предположили Артем и Анфиса, казалось ему маловероятным. Анжела в таком случае пошла бы с ним, потому что любила смотреть подобные программы. На жертв авиакатастрофы или кораблекрушения они не похожи: все целы, без царапин, в сухой одежде и обуви. Он даже не потерял свой нож, а на лице Анфисы сохранились остатки косметики. Так что же случилось?

Задумавшись, Данила не заметил, как уклонился от намеченного маршрута, и скала, которая должна была оставаться по правую руку, оказалась за его спиной. Он сделал небольшой круг и поплыл, держа теперь в поле зрения темный гребень, но, когда приблизился, увидел, что дальше идет воздвигнутая из камня высокая стена. Она была значительно ниже скал, но перелезть через нее без специального оборудования не представлялось возможным. Сложность заключалась не только в отвесности, но и в том, что лишенный выступов и поросший водорослями камень был скользким.

Данила набрал в легкие воздуха и погрузился в воду, но стена и на глубине оставалась такой же монолитной, без разрушений. Он вынырнул на поверхность, замотал головой, отфыркиваясь, и поплыл вдоль бесконечной стены до тех пор, пока не оказался в зоне плотного тумана. Воздух неожиданно сгустился до состояния пудинга, дышать стало трудно, будто в нос и горло набилась вата. В ушах зашумело, словно кто-то на полную громкость включил радио и остановился на промежутке между станциями. Движения стали вялы-

ми и замедленными, как во сне, когда пытаешься сбежать от погони. Данила попытался развернуться к берегу, но и это ему не удалось. Туман не желал отпускать жертву, обвился вокруг тела хищным коконом, едва только не выпустил щупальца с присосками. Воспоминание о книге Стивена Кинга с тем же названием встряхнуло и согнало пелену сонливости. Данила заработал руками и ногами из всех оставшихся сил, но попытки развернуться оказались подобны возне завязшей в патоке мухи. Он снова с силой дернулся, поняв, что вырваться из западни может только энергичными рывками. А туман наполнился шумами – неясными шепотами, шелестом и всплесками. То ли от нехватки кислорода начались галлюцинации, то ли в тумане, как и в сюжете короля ужасов, кто-то обитал... Страх, смешанный с отвращением, придал сил. Данила наконец-то увидел полосу разреженной дымки, за которой уже темнела вода. Еще один рывок – и он наконец-то выплыл наружу. Но в тот момент, когда передняя часть тела оказалась за границей тумана, а ноги еще тонули в мареве, что-то мерзкое и холодное скользнуло по правой голени. Данила дернул ногой и почувствовал короткую, но сильную вспышку боли. Он тут же забыл о ней и, очутившись на свободе, сделал жадный вдох. Расстояние до берега Данила преодолел за считанные мгновения. Лишь коснувшись ногами дна, он понял, как устал – настолько, что даже на секунду обрадовался тому, что «эта» не ушла, а поджидала его на песке.

Стефания проводила его встревоженным взглядом. По выражению лица Данилы она догадалась – что-то произошло, но, слава богу, не обрушила сразу град вопросов. Только когда он, от усталости и потрясения неловко путаясь в рукавах, натянул на мокрое тело футболку и наклонился за джинсами, воскликнула:

– У тебя кровь!

Данила опустил взгляд и увидел, что по правой голени зигзагом струится кровь. Порез оказался глубже и длиннее, чем ему казалось. Что его полоснуло в том тумане?

– Обо что это ты так?

Стефания уже присела на корточки и, чуть сощурившись, рассматривала рану.

– О камень саданул, – нехотя ответил он, стянул с мокрых волос резинку и тряхнул головой.

– Надо перевязать! – твердо заявила Стефания, выпрямляясь. Когда она поднялась на ноги, то оказалась от него так близко, что Данила заметил собственное отражение в ее необычного цвета глазах. Когда-то он считал, что она носит цветные линзы – ведь не может быть натуральный цвет радужки такого насыщенного аквамаринового цвета! – но сейчас, невольно присмотревшись, понял, что Стефания не носит линз. Может быть, потому, что это открытие удивило его, или из-за того, что она находилась совсем близко и он чувствовал тепло ее тела, Данила ответил насмешливо, даже слишком:

– Ну, давай, снимай футболку и рви ее на бинты!

Она вспыхнула, отступила, но взгляд его выдержала, не отвернувшись.

– Опять ты за свое!

– А чем ты собралась перевязывать? – спросил он уже без насмешки, но лишь потому, что слишком устал, да еще на все пережитое наложилась ожившая боль в порезанной ноге.

Стефания секунду помешкала, а затем решительно взялась за край футболки.

«Она что, серьезно?»

– Фильмов насмотрелась?! – Он скривил губы, подхватил джинсы и кроссовки и так, босой, в футболке и «боксерах» побрел по берегу в сторону их стоянки. Только бы костер не погас! Согреться бы и обсохнуть.

Стефания вскоре нагнала его и спросила в спину:

– Что случилось в воде?

– Ничего такого, о чем мне бы хотелось рассказывать!

Она забежала вперед и остановилась прямо перед ним, вынудив тоже затормозить.

– Прекрати!

Глаза ее сощурились, и их необычный цвет стал таким насыщенным, что Данила вновь усомнился в его натуральности.

– Не знаю, за что ты взъелся на меня или на весь белый свет, но мы не в той ситуации, чтобы враждовать и спорить! Что-то произошло! С нами! Мы в одной лодке! И только от

нас зависит, потопим ее или все же выплывем!

Стефания уперла руки в боки, от учащенного, как после пробежки дыхания ее небольшая грудь под футболкой вздымалась, румянец то ли волнения, то ли, напротив, злости заливал ее загорелые скулы. Внезапно налетевший порыв ветра взъерошил завившиеся от влаги темные волосы. Не сводя с Данилы взгляда, она машинально пригладила их ладонью. Многие девушки специально накручивают волосы, чтобы добиться таких локонов, а у Стефании они вились от природы. Если бы она носила их длинными, а не отрезала по плечи, то вообще могла бы почти сойти за красавицу. Почти – потому что считать красавицей «эту» он не намеревался.

– Там стена, – нехотя ответил Данила. – Похожая на ту, которую мы обнаружили на суше. Перелезть через нее на первый взгляд невозможно. А насколько она длинная, я не понял, потому что попал в туман.

Переживать вновь, хоть и в пересказе, едва не стоившее ему жизни происшествие оказалось непросто. Данила невольно передернул плечами и поморщился:

– Я не знаю, что это за туман, чем он вызван и из каких газов состоит, но заплывать в него явно не стоит. Можно утонуть, даже если хорошо плаваешь.

Губы Стефании чуть дрогнули, но она промолчала. Не заговорила и тогда, когда пауза затянулась – почувствовала недосказанность и своим требовательным молчанием вынудила его договорить.

– В воде обитает какая-то дрянь, которая и чиркнула меня по ноге. Может, рыба плавником, может, какой гад.

– Плавник может оставить такой порез? – то ли спросила, то ли усомнилась Стефания и перевела взгляд на песок, окрашенный в алый цвет возле его босой ступни.

Данила не ответил, лишь слегка пожал плечами и, обойдя девушку, направился вперед. Она нагнала его и молча пошла рядом. Слава богу, больше ни о чем не расспрашивала и не выдвигала версий случившегося! Но по ее задумчивому виду и по тому, как она нервно накручивала на палец прядь волос, стало понятно, что пытается осмыслить и принять происходящее.

Над лагерем поднимался дымок, и все, кто оставался там, собрались вокруг уютно тлеющих головешек.

Первой их увидела Марина.

– Где вы так долго были?!

– А ветки где? – не преминула спросить Анфиса и, когда Стефания сделала неопределенный жест, нахмурилась:

– Так вы что, не за хворостом ходили?

– Купаться они ходили, – усмехнулся Артем. Спорить с ним Данила не стал, бросил на песок джинсы и, опустившись на них, вытянул к огню одну ногу, а другую, пораненную, согнул в колене, чтобы не коснуться голенью песка. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы его оставили в покое, дали спокойно согреться, обсохнуть и, может, немного вздремнуть. Но Марина уже заметила порез. В отличие от Стефа-

нии, она не стала расспрашивать, просто подошла и требовательно протянула ладонь:

– Дай нож!

Данила тоже промолчал, подвинулся и вытащил из кармана джинсов складной нож.

– Помоги мне! – попросила Марина Стефанию. Та без лишних слов поняла, что от нее требуется – присев перед Мариной на корточки, она натянула подол ее длинного сарафана. Марина аккуратно, но решительно отрезала по кругу полоску, а затем еще две, пока длина сарафана не укоротилась до колен. Из одной полоски она сложила подобие салфетки и приложила к ране Данилы, двумя другими полосками Стефания ловко перевязала ему ногу.

– Готово! – объявила Марина, выпрямляясь во весь рост.

– Спасибо.

Сладкая парочка – Артем с Анфисой – следила за происходящим молча, но первой не выдержала девушка:

– Где это ты так? В воде или на скалу полез?

– Они имеют право знать, – поддержала ее Стефания.

Его рассказ вызвал у всех разную реакцию – Марина на правах старшей хмурилась, поджимала губы и качала головой, явно не одобряя его безрассудство, Анфиса испуганно тарасила глаза-маслины, а Артем засыпал вопросами с таким восторженным любопытством, будто приключения казались ему забавными и неопасными.

– Дайте человеку отдохнуть, – вмешалась Стефания. Да-

нила бросил на нее раздраженный взгляд, словно хотел сказать: «За помощь спасибо, конечно... Но пусть на этом работа и окончится!»

– Пусть отдыхает, – пожала плечами Анфиса и, отходя в сторону, процедила сквозь зубы: – Но вообще-то, прежде чем куда-то лезть, нужно думать или ставить других в известность.

– Много ты думала, когда в костер бросилась, – огрызнулся Данила. Анфиса фыркнула и мотнула остатками волос, еще вчера бывших шикарными.

Спор не вспыхнул лишь по той причине, что Данила проигнорировал ее следующую шпильку. Чуть приподнявшись на локте, он вытащил из-под себя джинсы, но не надел их, а свернул и подложил под голову, как подушку. Короткий сон он вполне заслужил!

В дрему Данила провалился мгновенно, только спал чутко, словно пес. Сквозь паутину липкого полусна прорывались отголоски разговоров, да еще мешали свернувшийся в желудке ежом колючий голод и терзающая правую ногу боль. Если бы не «эта», не полез бы он в воду, не заплыл в чуть не убивший его туман и не напоролся там на что-то острое. Умом Данила понимал, что Стефания не заставляла его лезть в водоем, что он сам накануне предлагал обогнуть скалу вплавь, но не мог совладать с воскресшей неприязнью к ней.

– Тогда вы оставайтесь, а мы пойдем! – выдернуло его из

сна решительное заявление Марины. Данила открыл глаза и сел:

– Куда вы собрались?

– В разведку. Анфиса и Артем останутся караулить костер, а мы со Стефанией отправимся за помощью и на поиски съестного. Лучше нам разделиться, а не уходить всем табором.

– Они решили, – проворчал Данила, молча натянул на непросохшие «боксеры» джинсы и обулся.

– А ты куда собрался? – встрепелась стоявшая неподалеку Стефания.

– С вами. В разведку.

– Ты уже сходил, «разведчик»!

Данила метнул на нее уничтожающий взгляд и поднялся на ноги. Сонливость и усталость как рукой сняло, только от голода и слабости немного кружилась голова. Ничего, он справится! Данила и сам не понимал, что его вновь толкает на приключения, когда он вполне мог бы отдохнуть. Шел то ли потому, что по натуре был активным, то ли потому, что беспокойство за «дамочек» не давало расслабиться. Впрочем, положив руку на сердце, он отправил бы Стефанию одну хоть в джунгли на съедение хищникам.

– Оставь нам нож, – попросил Артем в последний момент.

– Зачем?

– Ну... На всякий случай. Чтобы защищаться.

– От кого?

Артем пожал плечами и переступил с ноги на ногу.

– Там можете найти палки, – кивнул Данила в сторону леса, – заодно и веток соберете.

Ему было все равно, что подумают остальные. Репутацию язвительного и неприятного субъекта в этой компании он уже завоевал! Удобная позиция: по крайней мере, перестанут соваться с вопросами и такими глупыми просьбами. С ножом расставаться Данила не собирался, и не только потому, что он мог ему пригодиться, но и потому, что этот нож когда-то принадлежал деду.

Стефания с Мариной, не дожидаясь его, уже отправились по берегу к тому месту, где скала врезалась в воду. Свежие воспоминания о том, что случилось с ним, вновь накатили удушливой волной. Данила дернул головой, словно пытаясь вытряхнуть ненужные образы, завязал на затылке высохшие волосы и бросился нагонять спутниц.

Марина со Стефанией шли, тихо о чем-то переговариваясь и иногда оглядываясь на него. Ему бы идти впереди, задавать темп и первому осматривать окрестности, только из-за пореза идти по песку оказалось непросто, пусть импровизированная повязка и стягивала края раны. Но вместо досады на обстоятельства неожиданно пришло спокойствие. Все самое плохое с ним уже случилось раньше.

Возле скалы спутницы остановились и подождали его.

– Там и правда какой-то туман! – воскликнула Марина, махнув рукой в сторону воды. – Насколько ты успел в него

углубиться?

– Не намного, – ответил Данила. – Там дышать невозможно, далеко не уплывешь. И вернуться тоже сложно.

– Значит, сделать лодку и уплыть отсюда будет непросто, – грустно улыбнулась Стефания. – Этот туман скрывает весь горизонт.

– Если бы еще было чем лодку делать. Моим ножом разве что кораблики вырезать да по ручьям пускать.

– Побереги свой нож. Он нам для другого пригодится, – качнула головой Стефания и убрала за уши падающие на лицо локоны. Улыбка у нее красивая... На загорелых щеках даже появляются ямочки. Красивая и отравленная ядом улыбка убийцы!

Видимо, Стефания прочитала в его глазах нечто страшное, потому что ее лицо моментально приняло серьезное выражение. Она поспешно отвернулась, а Марина, не заметив их секундного обмена взглядами, бодро провозгласила:

– Ну что, вперед! На поиски еды! Есть хочется так, что готова грызть кору.

– А кто-то собирался тут худеть, – вырвалось у Данилы прежде, чем он успел прикусить язык. Нетактично напоминать даме о том, что у нее есть лишний вес! Стефания метнула на него острый взгляд, но Марина не обиделась. Напротив, улыбнулась так обворожительно, будто Данила отпустил ей самый приятный комплимент, и кокетливо ответила:

– Я согласна на один, максимум два разгрузочных дня. От

голода я, если честно, зверею! Так что в ваших же интересах поскорее найти что-нибудь съедобное.

Данила усмехнулся, но промолчал. Пожалуй, Марина, единственная из компании, ему нравилась – и своей деятельностью, и тем, что оставалась позитивной в такой сложной ситуации и гасила конфликты.

– Найти бы что-нибудь, в чем можно кипятить воду. Без еды еще протянем, а вот без воды... – тихо, будто самой себе, проговорила Стефания.

Вскоре они дошли до похожего на огромную рогатку сухого дерева, возле которого накануне повернули назад. Данила окинул его оценивающим взглядом: сухие ветки пригодятся для поддержания костра, надо на обратном пути наломать и унести то, что им по силам. На Артема и Анфису можно не надеяться – эти двое настолько спелись, что им теперь не до поддержания огня. Хоть бы угли сохранили, и на том спасибо!

Кустарник сменился редким лесом, и песчаная полоса сузилась до земляной тропы. Идти по твердому, хоть и влажному грунту стало намного легче. Данила почти нагнал Марину и дистанцию выдерживал только потому, что ему так хотелось. Занявшее наблюдательную позицию на небе солнце прогрело не только воздух, но и высушило намокшие на бедрах джинсы. День обещал быть хорошим... Только солнце выглядело каким-то странным: не ярким, а приглушенным, будто светило через плотный тюль. На яркой синеве

неба не виднелось ни облачка, только эта непонятная дымка застилала солнечный диск. Свет от звезд тоже был приглушенным, и луна – блеклой и нечеткой, словно кто-то оставил на темном полотне мазок слишком разбавленной акварелью. Ночью Данила не придавал этому значения, а сейчас, поглядывая на небо, призадумался об этом странном явлении, да так глубоко, что не заметил, как девушки остановились, и неосторожно налетел на Марину.

– Тише ты! – засмеялась она, принимая его в теплые и мягкие объятия.

«Не нужно ей худеть! Такая округлая полнота, как у нее, нравится мужчинам...» Марину не смутил ни его взгляд, ни секундное замешательство. Она улыбнулась – не с надеждой, а лукаво, как женщина, которая знает о своей привлекательности, и плавно высвободилась из его объятий. Данила поспешно отвел глаза и встретился взглядом со Стефанией. В отличие от Марины, она, наоборот, выглядела встревоженной – хмурила брови и нервно покусывала нижнюю губу.

– Чего вы так резко остановились? – буркнул Данила, чтобы избавиться от неловкости.

– Я подумала... Мне кажется, я знаю, что случилось, – неожиданно звонким голосом ответила Стефания, – это солнце – оно какое-то ненатуральное.

Значит, не только он это заметил. Что ж, «эта» не только цепкая, но и наблюдательная. А иначе и быть не может – с ее профессией! Ученая, етить...

– И этот туман, который не выпускает, и стена, которая все тянется и тянется... Но самое главное то, что мы не помним лишь один ключевой момент – как тут оказались. При этом не забыли, кто мы и какой была наша жизнь до этого.

– Что ты хочешь этим сказать? – поторопил Данила, потому что Стефания замолчала. Ее затянувшееся молчание ему не нравилось. Она еще не произнесла следующую фразу, а он уже понял, что сейчас услышит.

– Это не шоу, как предположили Анфиса с Артемом. Это все по-настоящему.

– А ты сомневалась?

Стефания пропустила его шпильку, покусала вновь нижнюю губу и подняла на него аквамариновые глаза. Отчего-то она обращалась напрямую к нему, исключив Марину из их круга.

– Мы не помним, как оказались тут! – повторила она. – Я читала в одной книге... Там был похожий сюжет! Компания оказалась заперта в доме, не могла из него выйти, и никто не помнил, что случилось. Как и мы! А потом кто-то догадался, что произошло, и тогда все события вспомнились. Там случилась катастрофа, все погибли. Эти люди были мертвы! Но не сразу это осознали.

– А твоя вера в науку допускает наличие загробной жизни? – съязвил Данила после долгой паузы, во время которой Стефания таращилась на него с таким испугом, будто ожидала, что вот-вот случится что-то ужасное – например, под

ними разверзнется земля, грянет гром или она просто растворится в воздухе.

Но ничего подобного не произошло. Только Марина испуганно охнула и закрыла рот рукой, и его замечание, которое вырвалось скорее по инерции, чем из желания посмеяться над предположением Стефании, осталось без внимания.

– Черт знает что, – пробормотал Данила уже тихо. Поверил ли он в такую версию? Возможно, поверил бы, если бы в этот момент действительно что-то произошло.

– Это сложно принять, – прошептала Стефания. Она собиралась сказать что-то еще, но Данила ее оборвал:

– Прекрати!

Стефания моментально закрыла рот и часто заморгала, напуганная не столько его резкостью, сколько собственным открытием.

– Мы живы, – медленно, едва ли не по слогам произнес Данила, – живы! Не мертвы. Вот тут у меня бьется сердце.

Он легонько хлопнул себя по груди.

– И у тебя тоже. И у Марины. Только... – начал он и осекся. Стефания тут же ухватила за эту недосказанность:

– Что «только»?

– Только хотел добавить, что еще я поранился, – вывернулся он, – и у меня текла кровь, ты сама видела. У мертвого бы текла *так* кровь? Ну, ученая, скажи?

Она неопределенно мотнула головой. Данила подтянул штанину и оголил голень.

– Смотри, повязка промокла. Рана продолжает кровоточить. И это *живая* кровь. Чем я еще могу доказать, что мы не мертвые?

Его самого удивил мягкий тон, которым он принялся уговаривать Стефанию, словно она была не «этой», а напуганным ребенком. Или, может быть, он пытался успокоить не ее, а себя, потому что от высказанного ею предположения по спине прокатилась волна холода? Что, если Стефания права, и они потерпели авиакатастрофу, утонули или разбились на автобусе и застряли в безвременье, так и не поняв, что погибли? Сколько фильмов снято и книг написано на эту тему...

Дыхание перехватило. Данила поспешно, словно желая убедиться, что еще жив, перевел взгляд на бурое пятно на повязке и едва подавил желание коснуться его пальцами. Стефания судорожно вздохнула, принимая его объяснения, а затем вновь подняла на него аквамариновые глаза и доверчиво спросила:

– Что же тогда с нами случилось?

– Это мы и выясняем! Но мы не мертвы и не участвуем в дурацком шоу. Не знаю, почему я в этом так уверен, но все происходит на самом деле.

– Тогда не будем терять время, – вмешалась Марина, но вдруг замерла и вскинула руку в предупреждающем жесте. – Слышали? Шорох!

Им даже не нужно было прислушиваться, потому что со

стороны донесся легкий треск веток и шуршание шагов. Кто-то, наступая на сучки, крался к ним, но затем замер. Зверь или человек? Данила вытащил из кармана нож и сделал знак всем отступить. Происходящее напомнило ему вчерашний вечер. Кто-то за ними следит? Или в этом лесу обитают звери? Он осторожно шагнул вперед, и тот, кто прятался в чаще, двинулся параллельно с ним. Данила остановился, и некто тоже замер.

– Эй! – крикнул он. – Выходи!

– Его мог напугать твой нож, – шепнула сзади Марина. Данила не стал спорить, руку опустил, но лезвие не убрал.

– Боится, – тихо шепнул он, услышав шорох вновь, – думаю, это зверь – не очень крупный, но и не мелкий.

– На обед сгодится? – нервно пошутила Марина.

– Главное, чтобы не мы ему, – ответила прерывающимся голосом Стефания, но Данила уловил в ее тоне улыбку. Испуганную, нервную, но улыбку! Его спутницы испугались и старательно маскировали свой страх шутками. Но и тот, кто прятался в лесу, тоже боялся и не собирался нападать. Данила уверенно пошел дальше, но нож все равно не убрал.

По мере того как они продвигались вперед, лес сгущался, а тропа в какой-то момент и вовсе исчезла. Кто-то шел параллельно с ними. Данила больше не слышал шагов, но чувствовал постороннее присутствие по-звериному, шкурой. И когда ему под кроссовку попала сухая ветка, некто, напуганный излишне громким в лесной тишине треском, ло-

манулся через кусты в чашу.

– Убежал. Уверен, это был зверь.

– Вчера мы его слышали? – спросила Марина.

– Возможно.

Развить эту тему им не дал удивленный возглас Стефании.

– Смотрите!

Лес внезапно расступился, словно раздернулись полы гигантского занавеса, и их взорам предстал дикий луг, поросший цветами и высокими травами. По краям, словно оправа для драгоценного изумруда, его обрамляла каменная стена. В центре луга мутно блестел надтреснутым зеркалом пруд. А в подернутой ряской воде на высоких сваях стояло полуразрушенное здание.

* * *

Гоша умер. В этом у Макса не осталось сомнений. Сердцебиение не прослушивалось, пульс не прощупывался, дыхание тоже погасло. Макс приподнял Григорию веки, но увидел лишь белки. Подавляя крик ужаса, потому что в жизни не видел покойников так близко, он попятился, и пятился до тех пор, пока не наткнулся спиной на противоположную стену. Только тогда Макс справился с потрясением – понял, что Гоше ничем не помочь, а он сам жив и должен выбраться из этой передраги. Игра начала принимать опасный поворот, и хотя подсознательно Макс понимал, что все происходящее –

реальность, а не подстроенное шоу, он продолжал цепляться за казавшееся ему удачным объяснение происходящего. Если убедить себя, что все это понарошку, страх не будет служить помехой. Ему нужно действовать! Не сдаваться, даже если он видит перед собой труп. Тем более, если видит труп.

Макс налег плечом на одну дверь, потом на другую, но как ни старался, как ни бился в них, двери не поддались. Тогда он выдвинул на середину комнаты оба ящика, невольно зажмурился, увидев страшную надпись-предупреждение, а затем стянул с себя ветровку и сделал из нее подобие мешка. В эту торбу он и покидал, не глядя, несколько банок с консервами, свечи, спички, сигаретные пачки и мешочек с галетами.

Рядом с башней возвышался скалистый гребень, который одним концом уходил далеко в воду, а другим углублялся в лес. Макс выбрал легкий путь – дальше по берегу. Куда-нибудь или к кому-нибудь дорога приведет.

Шел он, увязая кедами в рыхлом песке, целую вечность. Но, когда оглядывался назад, продолжал видеть торчавшую клыком башню. Время словно стало резиновым... Или он просто шагал на месте, как по ленте тренажера? Настоящее проклятие – идти вперед, но никуда не приходить.

Макс остановился, достал из кармана смятую пачку и закурил. Это было отвратительно – сигарета горчила и одновременно оставляла кислый привкус. Наверное, изо рта после курения будет нести так, как из помойной ямы. Хорошо,

что ему не придется идти на свидание и целоваться с девушкой!

Подумав о свидании, он засмеялся. Смех на безлюдном берегу, подхваченный ветром, показался ему пугающим. Не сходит ли он с ума? Макс затоптал в песок недокуренную сигарету и побрел дальше. Через несколько метров берег сделал крутой поворот, и проклятая башня наконец-то исчезла из виду. А может, это он просто совершил неожиданный скачок во времени? В этом месте все возможно.

Дорога вывела к причалу, сложенному из проломленных досок и проржавевших металлических свай. Причал хоть и был небольшим, но в былые времена к нему вполне мог пришвартоваться катер. Над прогнившими досками нависали высокие стебли тростника, в крупных расщелинах масляно чернела вода. Макс сокрушенно вздохнул, потому что такая запущенность убивала призрачную надежду отыскать хоть какое-то человеческое поселение. Что ж это за место? Он бросил на берегу свой импровизированный мешок с провизией и осторожно ступил на хлипкие мостки. Его внимание привлек не настил, а небольшая будка, похожая на кассу, еще сохранившая остатки шелушащейся синей краски. Никакой вывески, как и окошка, в котором когда-то могли бы продавать билеты, Макс не обнаружил, поэтому потянул на себя перекошенную металлическую дверь и вошел в темное, без окон, помещение, с возродившейся надеждой найти хоть какие-то ответы.

Свет застенчиво скользнул следом в оставленный открытым проем, высветил стол и несколько непонятных приборов на нем. Один был похож на жестяной ящик с гнездами для кабелей, сбоку крепилась телефонная трубка. Второй размерами и формой напоминал первый, только трубку заменял телефонный диск. Третий аппарат вообще представлял собой «этажерку» из «ящиков», на панелях которых располагались рычажки, кнопки и спрятанные за стеклами стрелки. Макс ошарашенно обвел взглядом приборы. Ему нравились цифры, он любил анализировать, решать, давать прогнозы, но ничего не понимал в незнакомой технике. Возможно, он попал в радиорубку, вроде той, что должна быть на корабле?

Он боком придвинулся к столу, коснулся одного прибора, осторожно крутанул пальцем диск и прислушался. Ничего не произошло. Всем этим непонятным приспособлениям должно быть уже много лет, срок их эксплуатации давно закончился, и никто ими не занимался, так что ни на что они не годятся. А если бы и годились, то Макс все равно бы ничего не смог сделать, потому что не знал, как обращаться с такой аппаратурой.

Впрочем, ничего бы не смог сделать другой Макс – тот, который жил обыденной жизнью аналитика, а не этот, ошупывавший утром труп и выживающий в экстремальных условиях. Поэтому Лагунов уверенно снял трубку со стоявшего рядом с «ящиками» оранжевого телефона и послушал. Гудков не слышно, но это неудивительно. Макс наклонился,

заглянул под стол, поискал взглядом в клубке змеившихся проводов тонкий телефонный и проверил, подключен ли он. Провод тянулся к одной из розеток. Только электричества в «рубке» не было – в этом и оказалось все дело! Макс повесил немую трубку обратно и покрутил рычажки на аппаратуре – просто так, не справившись с мальчишеским любопытством. Одна из стрелок за стеклом дернулась и вернулась на место.

Макс еще немного поклацал кнопками, покрутил телефонный диск и приложил к уху трубку аппарата, а потом, когда ему надоело, развернулся, чтобы уйти. В желудке что-то неприятно заныло – пора подкрепиться хотя бы галетой. А еще неплохо бы сделать привал, развести костер и вскипятить в чем-нибудь воды. Может, если как следует прокипятить содержимое одной из банок, все вредоносные бактерии умрут? Он никогда не отважился бы на подобный риск – попробовать консервированную еду с явно вышедшим сроком годности, но в подобных условиях выбирать не приходилось. Макс все еще надеялся на то, что устроители «игры» не стали подкладывать в ящик испорченные продукты.

Впрочем, от тех, кто подкинул ему труп, можно ожидать чего угодно.

Он огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы заменить ковш или кастрюлю. Но в тот момент, когда нагнулся под стол, помещение «рубки» наполнил треск. От неожиданности Макс дернулся, грохнулся макушкой о столешницу и от изумления даже не охнул. Один из аппаратов вдруг

ожил! Стрелки его синхронно двигались, будто «дворники», одна из лампочек мигала зеленым, а из щели раздавался сухой треск. Макс невольно попятился, но затем быстро нашел объяснение происходящему. Возможно, аппарат работает от батареек или генератора, а он, клацая кнопками и вертя ручки, случайно включил его. Скорее всего, заряда там всего ничего, и эта реакция – не пробуждение механизма, а, наоборот, его агония. Зеленая лампочка рядом с кнопкой настойчиво мигала, словно призывая Макса нажать на нее, и он нажал. Треск усилился. К нему присоединился гул, и из щели раздался приглушенный голос:

– Кто здесь?

От неожиданности Макс подскочил на месте, но затем торопливо склонился над аппаратом:

– Я Макс! Макс Лагунов! Я... Не знаю, где нахожусь.

– Кто здесь? – продолжал вопрошать неизвестный, словно не услышал ответа.

– Макс! Я Макс!

– Кто... здесь? – выдохнул аппарат. Гул стих, но усилился треск, словно где-то раскачивались и ломались на сильном ветру сухие деревья.

– Кто здесь? Кто здесь? Кто здесь? – зачастил аппарат. Было в этом голосе, тоне и в самом вопросе что-то обреченное и безысходное. Будто не строгий радист вопрошал, кто забрался без спросу в рубку, а некто потерянный тоже искал спасения.

– Кто вы? – выдохнул в ответ Макс. Какое-то время он слушал лишь завывание бури, треск и чье-то частое дыхание, затем торопливо ткнул пальцем в кнопку с погашенной рядом красной лампочкой. Треск прекратился. Макс дрожащей ладонью стер со лба выступившие капельки пота. Отчего-то этот короткий «разговор» напугал его.

Пауза продлилась недолго. Не успел он развернуться, чтобы выйти наружу, как зазвонил безмолвный до этого телефон. Резкий звук взорвал тишину подобно гранате. Макс с ужасом уставился на оранжевый корпус. Этого не может быть. Телефон, хоть и был подключен к розетке, не работал! Он сам в этом убедился. Не отдавая отчета своим действиям, подчиняясь неведомой силе, Лагунов медленно протянул руку к телефону и резко сдернул трубку.

– Алло?

– Кто здесь? – спросила трубка все тем же голосом.

– Послушайте! Я вам уже сказал! Я не знаю, чего вы хотите! Я не знаю, где нахожусь...

– Я знаю, – перебил внезапно собеседник. – Знаю... Знаю...

– Кто вы?! Или вы мне отвечаете, или я вешаю трубку!

Макс почувствовал, как у него взмокла спина. Струйка пота, противно щекоча кожу, прокатилась вдоль позвоночника к ремню джинсов, но он даже не повел плечами, словно пригвожденный к месту. Порыв ветра с силой захлопнул входную дверь, и помещение окунулось в кромешную тьму.

– Мы... уже идем... – отчетливо раздалось в трубке.

Глава 4

На погруженных в воду сваях стояла лишь одна часть здания – наиболее пострадавшая, с проломившейся крышей и обвалившейся стеной верхнего этажа. Эта же часть и оказалась выгоревшей. В проеме виднелись выжженное нутро, скелет почерневших перекрытий и разрушенная лестница. Единственным ярким мазком на траурном фоне была зеленая крона нахально проросшего в окно молодого деревца.

Обойти пруд можно было либо через разросшийся колючий кустарник, либо через луг и небольшой лесок из молодых деревьев.

– Осторожно. Как бы не встретилось болото, – предупредил всех Данила и первым двинулся вперед. Стефания отправилась за ним, Марина чуть задержалась, рассматривая здание.

– Похоже, и близость воды им не помогла, – сказала она, имея в виду погорельцев.

– Может, как раз помогла, – откликнулся он. – Иначе бы сгорело все.

– Меня всегда пугали такие... объекты, – прошептала Марина. – Неужели мы пойдем внутрь?

– Там мы можем найти что-нибудь для нас полезное, – сказала Стефания, идя за Данилой след в след. Рыжий шел медленно, пробуя почву, прежде чем поставить ногу. Не до-

верял... И правильно делал, потому что один раз твердая на первый взгляд почва жадно чавкнула под его кроссовкой. Данила тут же перенес тяжесть тела на другую ногу и свернул в сторону.

– Нездоровое это место, – ворчала Марина. Ей явно было не по себе – плечи она держала поднятыми и нервно озираясь по сторонам. – Кому вздумалось выстроить здание на болоте?

Ее вопрос остался без ответа. Данила вдруг свернул влево, к проглядывающей сквозь заросли пресловутой стене.

– О боже, опять это, – простонала Марина, – мы тут как в загоне!

Но оказалось, что не стена привлекла внимание рыжего, а невысокие деревья, на одном из которых виднелись плоды.

– Погодите! Это... яблоки? – воскликнула Марина и, опередив всех, бросилась к узловатой и кривой яблоне. Добежав до дерева, она издала ликующий вопль и запрыгала на месте. Ее радость оказалась такой заразной, что Стефания не удержалась, подбежала к Марине, держащей на ладони сорванное зелено-желтое яблоко, и вскинула руки в победном жесте.

– Эй! Не забывайте об угрозе дизентерии! – крикнул им Данила. – Килограмм зеленых яблок может вылиться в... В буквальном смысле слова вылиться!

– Ну что еще доброго можно от тебя услышать? – засмеялась Марина, отбегла яблоко о сарафан и надкусила.

– М-м-м, это самое вкусное, что я ела в своей жизни!

– Что, даже лягушки и улитки так не зашли? – Данила сощурил один глаз и неожиданно улыбнулся. Улыбка у него оказалась доброй и мягкой. Она солнцем озарила его лицо, прогнала тени и отразилась теплыми бликами в медовых глазах. Стефания, привыкшая за это время видеть на губах рыжего только язвительную усмешку, невольно застыла с протянутой к ветке рукой. Данила сам сорвал яблоко, на какое она нацелилась, но не протянул его ей, а с аппетитным хрустом надкусил.

– Кислятина! Но выбирать не приходится. – Рыжий принялся срывать плоды с тех веток, до которых дотянуться мог только он, и складывать добычу на землю. – От голода мы уже не помрем. А вот от поноса...

– Яблоки можно запечь на костре, – предложила Стефания.

– Ты пробовала это делать? – спросил Данила, не оглядываясь на нее.

– Нет. Но если нанизать их на ветки... Или закопать в золу.

– Яблоки, вяленные на солнце. Яблоки, размолотые камнем в пюре. Яблоки, вымоченные в речной воде. Кто еще какие рецепты предложит? После тридцатого способа приготовления яблок мы с радостью пойдем ловить улиток и лягушек, – проворчал Данила, любуясь на собранные ими фрукты. – Оставим это пока здесь. Пойдем посмотрим, какие еще

сюрпризы нам приготовлены. Чувствую, подарки на сегодня не закончились!

Марина, которая до этого пугливо озиралась на здание, без ворчания побрела за ними. Попасть в помещение оказалось несложно – там, где угрюмый фасад отбрасывал тень на низкорослые, будто съжившиеся деревья, прочно вросла в землю полуразрушенная лестница. Почва здесь оказалась рыхлой и влажной, Стефания поскользнулась, но успела ухватиться за металлические перила. Ее неловкость заметила лишь Марина, потому что Данила успел подняться на крыльцо и скрыться за приоткрытой дверью.

Они попали в просторный холл с шахматным полом, высокими зарешеченными окнами и выложенными разбитой плиткой стенами. В холл, как река, вливался узкий и затопленный коридор. В дверном проеме стоял Данила и с явным сомнением глядел на воду.

– Вроде не глубоко, – сказал он, опережая вопросы, – но придется разуться.

– Не опасно ли? – усомнилась Стефания. – Тебе и одного пореза хватит.

Но Данила уже снял кроссовки с носками, закатал джинсы и ступил на залитый пол. Марина последовала его примеру: подхватила обрезанный подол сарафана и разулась.

– Сумасшедшие! – проворчала Стефания, но общее безумие оказалось заразительным.

Она боялась, что вода здесь стоит давно и потому плитки

окажутся осклизлыми. Но, похоже, коридор затопило после недавней грозы. Они прошли его, заглядывая во все встречающиеся им помещения. Их оказалось немного. Идентичного размера, вытянутые и маленькие, как кельи, с узкими зарешеченными окнами под самым потолком и ободранные до почерневшего от влаги кирпича, эти комнатухи без мебели напоминали коробки из одной партии.

– Тут не тюрьма ли, часом, была? – предположила Марина и кивнула на тяжелую металлическую дверь.

– Возможно, – кратко ответил Данила. Он уже достиг сухого участка коридора и торопливо обувался. – Но что-то мне подсказывает, что нет.

Им повезло, сказочно повезло в следующем помещении – большом зале с длинными столами, покрытыми, как скатертями, осыпавшейся штукатуркой. Свет вливался в зарешеченные окна и высвечивал облупившуюся краску на стенах. На столах остались тарелки, миски, стаканы и столовые приборы. Тарелки были грязными, с присохшими ко дну остатками пищи, успевшими превратиться в темные комья, а мутные стаканы – в разводы. Ложки беспорядочно валялись то в мисках, то рядом, то вообще на полу. Лавки, заменявшие стулья, кто-то неаккуратно сдвинул.

– Ощущение, будто что-то заставило обедавших прервать трапезу и торопливо покинуть столовую, – предположила Стефания.

– Пожар! – ответил Данила, собирая со столов наименее

грязные миски.

– Да, скорей всего. Только вот сторела лишь часть крыла, огонь не дошел до столовой. Но сюда, судя по всему, никто больше не вернулся.

– Могли решить, что полуразрушенное здание представляет собой угрозу. А денег на ремонт не нашли, – пожал плечами он и протянул Марине стопку металлических мисок. Марина добавила их на край стола к куче собранных ею ложек и приняла у Данилы стаканы.

Стефания оставила их разбираться со всем этим добром, вышла в прилегавшее к столовой помещение и оказалась на кухне. На засыпанной штукатуркой плите стояло несколько кастрюль. Стефания заглянула в них и сморщила нос, увидев, что стенки и дно изнутри заросли грязью. Ничего, они все отчистят песком!

Марина одобрительно кивнула, когда она перетасила кастрюли в столовую, и отправилась следом за нею инспектировать кухню. В оцинкованном шкафу обнаружились помятые запылившиеся ковши, а еще – несколько пачек с макаронами, гречкой и перловой кашей, мешочек заплесневелых сухарей и мешок окаменелого сахара.

– Ю-ху! Будут нам макароны! – возликовала Марина. – Каша!

– С мясом, – усмехнулся Данила и продемонстрировал ей черные точки жучков в пачке.

– Ничего! – не смутилась Марина. – Мы с девочками, как

Золушки, все переберем!

– Хотелось бы посмотреть, как Анфиса согласится на роль Золушки, – скривил губы Данила, складывая пачки в одну из кастрюль. В другую он составил ковши и наполнил их мешками с сухарями и сахаром.

– Заберем это позже.

– Сколько же тут все пустует? – Стефания взяла одну из пачек и повертела ее, отыскивая даты. – Ого! В этих макаронах уже не жучки, а динозавры.

– Все равно мясо! – возразил Данила. Марина со Стефанией переглянулись и сморщили носы.

Под лестницей, ведущей наверх, оказалась кладовка без окон. В одном углу ее были свалены ведра, швабры и полизанные метелки, а на стене на ржавых крючках висели темно-синие халаты.

– Это нам тоже пригодится, – сказала Стефания, коснулась робы и брезгливо скривилась: – Фу, заплесневелые.

– Ничего, отстираем с песком и просушим на солнце! – Марина с азартом, будто выбирала платье в бутике, уже перебирала халаты и наиболее крепкие скидывала на пол.

– На кой они нам? – удивился рыжий.

– Тебе вместо банного халата. Чтобы после купания опять в трусах не разгуливал, – парировала Стефания. Марина, представив рослого и плечистого Данилу в халате уборщицы, рассмеялась. Стефания тоже улыбнулась, хотя рыжему их веселье не передалось – он деловито оглядывал швабры,

выбирая наиболее целые, – и они с Мариной, дорисовав в воображении к его образу в халате еще и швабру, зашлись хохотом.

– Смейтесь, смейтесь! – буркнул Данила, но Стефания успела заметить мелькнувшую на его губах усмешку.

Они прошли часть второго этажа до того места, с которого начиналось разрушенное огнем и временем крыло. Комнаты здесь оказались разного размера, и в каждой из них находились остовы металлических кроватей. В одних – по две, придвинутые к стенам, в других насчитывалось до дюжины. Сетки проржавели и были покрыты шелухой старой краски. Зрелище было не столько унылое, сколько жутковатое. Неприятных ощущений добавляли обнаруженные в паре комнат настенные рисунки – страшные рожи с оскалами, какие-то цифры и изогнутые в неестественных позах, словно сломанные куклы, фигурки. Но в одной из «палат» нашелся еще подарок – проеденные молью, отсыревшие, вонючие и с пятнами плесени, но все еще сохранившиеся жесткие «солдатские» одеяла.

– Постираем и просушим, – деловито заявила Марина. Никто на этот раз не стал ей возражать.

– И все же, что тут могло быть? – спросила она, когда они, нагруженные частью вещей, направились наружу.

– Госпиталь, – ответила Стефания.

– Скорее не просто госпиталь, а психушка, – поправил Данила. Марина содрогнулась и прибавила шаг, хоть ноша у

нее была не из легких – она тащила стопку одеял. Рыжему достались кастрюли и ковши, Стефания несла халаты и пару швабр, черенки которых могли послужить для разных нужд.

– Слушайте, вы действительно считаете, что вот это все нам необходимо? – воскликнула она. – Можно подумать, что мы не выход ищем, а обживаемся!

– Одно другому не мешает, – не оглядываясь, ответил Данила.

Стефания с беспокойством посмотрела ему в спину. Рыжий не жаловался, работал молча, но уже не скрывал хромоты. Она оглянулась на здание. Если это бывший госпиталь, то в нем могут отыскаться бинты и медикаменты – просроченные, но в экстремальных условиях необходимы даже такие. Данила с Мариной сгрузили на землю вещи и принялись перекладывать яблоки в кастрюли. Что ж, пока они заняты, у нее есть время поискать что-нибудь для перевязки.

– Я сейчас! – крикнула она. Марина ответила ей кивком, а Данила даже не повернул головы, чем вызвал у Стефании легкую досаду. Она, видишь ли, печется о нем, а он ее будто не слышал! Но тут же одернула себя: не в тех они условиях находятся, чтобы враждовать и обижаться. От того, посмотрел на нее Данила или нет, ей ни холодно ни жарко. А вот если у него воспалится порез – это будет проблемой. Большой проблемой.

Наверх Стефания не стала подниматься. Все комнаты второго этажа они исследовали, а на первом еще оставался уча-

сток, который оставили без внимания. Может, в одной из комнатусек найдется то, что ей нужно? Только бы врачебный кабинет не сгорел вместе с пострадавшим крылом!

Ей повезло. За лестницей, в том закутке, на который она поставила, как на красное, все надежды, обнаружилась довольно просторная комната. По тому, что помещение отличалось от других размерами и обстановкой, Стефания поняла, что медикаменты отыщутся либо тут, либо нигде. И все же, несмотря на спешку, она в сомнениях замерла на пороге. Не одно и то же – находиться в наполненной шорохами комнате в компании Марины и Данилы или одной. Воображение дорисовало тени на стенах, безумные взгляды, уставившиеся на нее из темных углов... Стефания едва не вскрикнула, когда закрывавшие разбитое окно рваные шторы колыхнулись на сквозняке. Как они, белые, с черными прорезами, медленно покачивающиеся, похожи на привидения!

Стефания шумно вдохнула и переступила порог. Ее взгляд скользнул по кушетке, из дырявого дерматина которой наружу бесстыдно лезла желточного цвета набивка, потом она мельком оглядела хромой стул – его металлический каркас мог для чего-нибудь пригодиться, например, чтобы ставить на него кастрюли и кипятить над костром воду...

Но тут ее вниманием завладел напольный шкаф рядом с умывальником. В замке торчал погнутый ключ, но дверца оказалась приоткрытой. Стефания шагнула к шкафу, пол под ее ногами угрожающе закрипел и продавился. Она осто-

рожно обошла опасный участок, открыла дверцу и обрадованно вскрикнула, потому что узкие полки оказались заставленными пузырьками и пачками с лекарствами. Радость сменилась разочарованием, когда Стефания убедилась в том, что большинство пузырьков пусты, со временем жидкость в них высохла. Впрочем, все эти лекарства им и не нужны. Ей бы бутылочку с йодом, спиртом или перекисью! Хотя надежда на то, что что-нибудь из этих дезинфицирующих средств окажется пригодным к употреблению, была хлипкой.

На одной из полок Стефания увидела упаковку ваты и несколько запечатанных бинтов. Бинты уже давно были не стерильны, но в их ситуации это просто царский подарок. Она набила карманы упаковками и перевела взгляд на навесной шкафчик рядом с большим зеркалом над умывальником. Среди бесполезных склянок с высохшим содержимым нашлись две герметично запечатанные пробирки с марганцовкой. Если в воде растворятся все кристаллики, а жидкость окажется нужного цвета, то все в порядке!

Стефания сунула в карманы флакончики, но, закрывая шкафчик, случайно глянула в мутную поверхность зеркала и обнаружила, что находится в комнате не одна. За ее спиной стояли несколько облаченных в грязные халаты фигур. От испуга Стефания отшатнулась, один пузырек с драгоценной марганцовкой выпал из наполненного кармана и разбился. Тонкие осколки перемешались с темными кристалликами. На влажном от сырости полу моментально проявилась сире-

невая дорожка, но ей было уже не до этого. Скованная ужасом, она вглядывалась в затуманившуюся поверхность зеркала. Нападут на нее или пощадят? Неизвестные прятали руки за спиной, но, однако, не предпринимали никаких шагов, только слегка раскачивались из стороны в сторону. Люди были измождены и истощены, халаты болтались на них, как на вешалках, но в их глубоких до черноты глазах плескалось безумие, а высохшие губы кривили не усмешки, а оскалы.

– Я вас не трону, – дрожащим голосом пробормотала Стефания, – я уйду, хорошо?

Фигуры зашевелились, двинулись на нее, воздух наполнился еле слышимым бормотанием. Оно было бы похожим на то, которое Стефания уже слышала раньше, если бы не другая тональность и не явно слышимая в нем угроза.

– Я ничего вам не сделаю! Мне просто нужны бинты. Я...

Она медленно развернулась, чтобы встретить опасность лицом к лицу... Но так и замерла с открытым ртом, потому что в комнате никого не было. Только колыхнулась, будто кем-то задетая, штора, да растворилась во внезапно остывшем воздухе последняя нота эха бормотания. Ей стало по-настоящему страшно. От ужаса Стефания потеряла ориентацию в пространстве и вместо того, чтобы броситься к выходу, метнулась в сторону. Увы, это оказался тот участок пола, где доски прогнили. Она мгновенно, не успев вскрикнуть, провалилась в подпол.

К счастью, глубина оказалась небольшой. Стефания не

ушиблась и не оцарапалась, а когда привсталла на цыпочки, смогла увидеть комнату, но обломки пола стискивали ей плечи и не давали поднять руки. Да и не по силам ей было разломать доски, пусть и гнилые. Внезапно по лодыжке скользнуло что-то мягкое – то ли крысиные усы, то ли хвост, и она заорала так, как не кричала еще никогда в жизни.

Казалось, прошла целая вечность до того момента, когда в комнату кто-то вбежал, хотя на самом деле – мгновение. Но и это мгновение, проведенное в подполье, растянулось до вечности.

– Вот ты где! – воскликнул Данила, но, увидев ее в ловушке, остановился и усмехнулся, словно зрелище не только позабавило его, но и понравилось.

– Помоги мне! – в отчаянии прокричала Стефания, вставая на цыпочки и глядя на него снизу вверх. Рыжий медленно подошел, нагнулся, заглянул ей в лицо... И неожиданно для себя она увидела в его глазах тени – страшные, сгустившиеся до неразбавленной ненависти. Рот Данилы кривила злая усмешка. Он поднял руку, и Стефания зажмурилась, поняв, что рыжий не собирается ее спасать, напротив – столкнуть под пол. «Я ничего тебе не сделала!» – хотела закричать она, но голос пропал, вместо крика вырвался то ли судорожный вздох, то ли всхлип.

– Она тут?! – ворвалась в комнату спасительница Марина. Но за секунду до ее появления Данила с силой обрушил кулак на гнилую доску. Раздался треск, Стефания испуган-

но вздрогнула и втянула шею в плечи. Данила одной рукой прикрыл ее от щепок, а другой вновь ударил по доске. Легко, будто разбивал вовсе не дерево, а тонкую фанеру, он расширил дыру и скомандовал:

– Подвинься!

Когда Стефания чуть отошла, он спрыгнул к ней, обхватил ее за талию и приподнял. Тяжело дыша от пережитого потрясения, она выбралась наружу, отползла от страшной дыры и распласталась на грязном полу. Судя по звукам, раздавшимся за ее спиной, Данила тоже выбрался наружу и ответил что-то сердито и неразборчиво на встревоженный вопрос Марины. Затем обошел Стефанию и остановился напротив. Ее взгляд уперся в его испачканные пылью и грязью кроссовки. Поднять на него глаза она не решалась, все еще напуганная *тем* его взглядом. Тени в глазах Данилы оказались куда страшнее увиденных в зеркале призраков! Он может говорить что угодно, отрицать свое истинное отношение к ней, но темный взгляд его выдал. Рыжий ненавидит ее настолько, что спокойно оставил бы в ловушке, если бы с ними не было Марины.

– На кой тебя сюда понесло? – спросил он, продолжая нависать над нею. Стефания неловко села и наконец-то посмотрела на него. Рыжий стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– Данила! – воскликнула Марина и коснулась его руки. – Не сердись! Ничего с ней не случилось!

– Не случилось, – скривил он губы в усмешке, понятной только ему и Стефании. Она встала и, оказавшись от него в непосредственной близости, отступила. Эта битва проиграна с треском.

– Так зачем тебя сюда понесло? – повторил он вопрос, не дождавшись ответа. – Мы все нужное вынесли наружу! Что ты тут забыла?!

– Вот это! – дрожащим от гнева голосом ответила Стефания, вытащила из одного кармана упаковку с бинтом и ткнула ею ему в грудь. – Между прочим, о твоей ноге я беспокоилась! Лекарства и бинты для тебя искала!

Его губы дрогнули, а в глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Данила медленно выдохнул, будто желая усмирить клочущую внутри ярость, молча выхватил у Стефании бинт и так, сжимая его в кулаке, вышел вон.

– Чего это он? – шепотом спросила Марина. Стефания пожала плечами и торопливо покинула страшную комнату.

На обратном пути они не переговаривались. Данила явно был не в духе, но какие мысли терзали его, оставалось лишь догадываться. Жалел, что упустил прекрасную возможность избавиться от Стефании? Или просто у него разболелась нога? Хромал он все более явно и в какой-то момент остановился, пропуская их вперед.

– Привал! – объявила Марина и решительно опустила на землю тюк, в который были завязаны халаты и одеяла. Место для стоянки оказалось удобным – лес закончился, но по-

лоса песчаного пляжа еще не началась. Стефания поставила рядом со стопкой одеял наполненную яблоками кастрюлю. Данила бросил оба тюка, которые волок по траве, неловко сел в тени разросшегося куста и обхватил ладонями правую голень.

– Совсем плохо? – посочувствовала Марина, и когда он отрицательно мотнул головой, подошла к нему. – Дай посмотрю.

Данила сам аккуратно подтянул штанину и обнажил пропитавшуюся кровью повязку.

– Н-да.

Марина беспомощно оглянулась на Стефанию:

– Ты знаешь, что с этим делать?

– Отрубить и выбросить, – ровным тоном ответила она, поднимаясь с места. Данила неожиданно оценил ее грубую и неудачную шутку, запрокинул голову и беззвучно засмеялся.

– Я серьезно! – нахмурилась Марина.

– А если серьезно, то с таким порезом нужно сразу в больницу – обрабатывать, зашивать и делать прививку от столбняка.

– Я привит. Профессия обязывает.

– Ты же фрилансер? – удивилась Стефания. Она уже решила, что Данила то ли музыкант, то ли пишет продающиеся тексты, а может, вообще художник, но тут же вспомнила, как он без усилий разломал доски и как легко поднял ее. И на плече у него, скрытый рукавом, есть шрам, такой глубокий,

что ничем не замаскируешь. Конечно, может быть, Данила просто ходит в тренажерный зал, а руку повредил в аварии, но кто его знает.

– Фрилансеры разные бывают, – уклончиво ответил он. У Марины заинтересованно блеснули глаза, но задать вопрос она не успела, потому что кусты рядом с ними зашуршали. Ветки раздвинулись, и в проем просунулась собачья голова с высунутым языком.

– Ой! – испуганно воскликнула Марина. А Данила улыбнулся – той теплой и доброй улыбкой, которая делала его хмурое лицо невероятно красивым и очень молодым.

– Эй! Ты откуда такой взялся?

Он осторожно протянул руку. Собака отшатнулась, но любопытство перевесило, и она, вновь зашуршав кустами, высунулась из них наполовину. Это оказался крупный беспородный пес с длинными лапами и широкой грудью. О том, что он бездомный, говорили впалые бока и запутавшийся в неухоженной палевой шерсти репейник.

– Это ты за нами шел? – продолжал разговаривать с собакой Данила. Тон его голоса и глаза потеплели, оттаяли, словно сердце Кая. Таким ласковым взглядом мать любит-ся играющим ребенком! Стефания удивленно переглянулась с Мариной, не ожидая от язвительного рыжего подобного поведения, а он будто забыл о них – тихо посвистел псу и похлопал ладонью себя по бедру, словно приглашая собаку присоединиться к ним. Пес, медленно переступая лапами,

вышел из кустов, но остановился и настороженно склонил голову набок.

– Эй, – ласково продолжал уговаривать Данила, – иди сюда! Мы тебя не обидим.

Пес двинулся к нему как замороженный, но наступил на сучок и, испугавшись произведенного им же шума, бросился наутек. Данила засмеялся и сказал наблюдавшим за сценой Марине со Стефанией:

– Он еще вернется.

– У тебя есть собака? – поинтересовалась Марина. Рыжий не ответил, лишь загадочно улыбнулся и встал.

Неожиданная встреча будто придала Даниле сил. Он снова шел впереди всех, таща за собой тяжелые тюки из одеял, но то и дело оглядывался, словно в поисках пса. До лагеря они дошли без приключений. Марина со Стефанией тихо обменивались идеями, как можно очистить найденные вещи. Настроение, казалось, поднялось у всех, но, когда они были почти на месте, Данила вдруг бросил тюки и, забыв о больной ноге, побежал.

– Что такое? – встревожилась Стефания, но, увидев, что случилось, бросилась следом за рыжим.

Неподалеку от тлеющего костра, уткнувшись лицом в песок и беспомощно раскинув в стороны руки, лежала бесчувственная Анфиса. Рядом с ее головой валялась толстая сучковатая палка. Артема нигде не было видно. Только на песке остался след, словно кто-то протащил по нему тело.

Из «радиорубки» Макс даже не выбежал, а вылетел со скоростью пули, не вспомнив про ношу с провизией. Отчего-то стало ясно, что лучше не дожидаться прихода тех, кто отозвался. Было в приглушенном голосе и монотонных интонациях нечто, что напугало до холода в позвонках. Но больше, чем интонации, насторожило то, что фоном голосу служили не радиопомехи, а тишина – абсолютная, глубокая, ничем не нарушаемая.

Игра, если это была она, принимала пугающий и нежелательный поворот. Словно Максиму обещали захватывающий психологический триллер с головоломками и загадками, а подсунули типичный ужастик. Все еще хотелось верить, что абсурдная ситуация, в которой он оказался – не действительность, а спланированный квест, розыгрыш. Может, пора остановиться, громко объявить: «Игра окончена!» и разом прекратить это «шоу» с дешевыми пугалками? Пусть из-за кустов выйдет с улыбкой «умерший» Гоша, а за ним – организаторы игры и коллеги Макса. Пусть кто-нибудь из сотрудников хлопнет его по плечу и спросит: «Что ж ты, Лагунов, так быстро сдался?» А он пожмет плечами и отшутится, что больше не в состоянии курить дрянные сигареты вместо хороших, привычных.

Но, конечно, Макс не остановился, а продолжал бежать по

изгибающемуся, как лекало, берегу. Кусты, редкие деревья, камни и невысокие песчаные сопки – все быстро сменялось, как узоры в калейдоскопе, и в какой-то момент в этом мельтешении он перестал различать дорогу. Макс бежал до тех пор, пока не споткнулся о камень и не растянулся на песке. Только после этого, убедившись, что никто за ним не гонится, пошел спокойнее.

«Без паники! Дорога рано или поздно куда-нибудь выведет, хоть и закольцевалась она, как бесконечность». Но береговая линия внезапно уперлась в высокую стену из крупного камня. С одной стороны та уходила в воду, и ее конец тонул в густом тумане. Другая часть терялась в лесу. Макс выбрал лес.

Он шел, прислушиваясь и принюхиваясь в надежде различить птичье пение и ароматы сырой земли, грибов и прелой листвы. Но лес безмолвствовал и не пах, словно был не настоящим, а декорацией. Макс потрогал ствол ближайшей осины, желая убедиться, что она не пластиковая, сорвал пару листьев и растер в пальцах. Они слабо пахли зеленью, но это не разубедило его в том, что что-то здесь неправильно, не только тишина и отсутствие лесного аромата. Но вот что еще, Макс не мог понять.

Стена тянулась бесконечно. Он несколько раз останавливался, чтобы перевести дух, а еще – попробовать камни на прочность. Те прилегали друг к другу так плотно, что между ними не прорастали даже хлипкие на вид, но сильные по

природе зеленые ростки сорной травы.

Внезапно земля под ногой осыпалась, и Макс провалился в темную и широкую дыру. Падение оказалось недолгим, он приземлился на что-то мягкое, поднял голову и увидел, что глубина ямы около двух метров. Вроде бы и не глубоко, но выбраться оказалось непросто... Он впился пальцами во влажную землю, нащупал ногой тонкий корень и привстал на него, но едва успел обрадоваться близкому спасению, как корень обломился и Макс вновь рухнул на дно.

– Вот же ж! – с досадой обронил он и оборвал себя на полуслове, заметив за сеткой корней лаз – неширокий, но достаточный для того, чтобы в него пролез взрослый человек. После недолгих сомнений – выбраться ли наружу и продолжить путь вдоль «крепостной» стены или воспользоваться лазом (а вдруг его подрыли под стену?) – Макс выбрал последнее, встал на четвереньки и пополз. Земля оказалась рыхлой и влажной. Только бы туннель не обвалился! Макс нащупал в кармане коробок. Хвала его вредной привычке: сунул сигареты вместе со спичками в карман, а не оставил на причале с едой! Огонек осветил обвитые корнями стенки лаза. Видимо, эта естественного происхождения сеть удерживала землю от осыпания. Макс приободрился и пополз дальше.

Полз он долго, до тех пор, пока туннель не стал расширяться. Тогда Макс поднялся с четверенок и пошел, согнувшись. Стены в этом месте оказались выложены камнем – ви-

димо, туннель не вырыли в спешке, а планировали его обустроить. Темнота понемногу рассеивалась, и это дарило надежду на то, что где-то близко есть выход. Макс спрятал коробок в карман, но тут же поплатился за экономию, споткнувшись обо что-то. Он торопливо чиркнул спичкой, осветил себе под ноги и едва сдержал испуганный возглас, увидев, что неизвестным препятствием оказалась большая кость – и, возможно, человеческая. Огонь обжег пальцы, Макс бросил догоревшую спичку и торопливо зажег следующую. Но лучше бы не видел то, что высветил слабый огонек! Поперек туннеля, прижавшись спиной к одной из стен, полулежал обряженный в полуистлевшие тряпки скелет. Голова его была повернута к Максу, белеющий в темноте череп скалил зубы и, казалось, следил пустыми глазницами за вторгшимся в туннель.

– Что за черт? – изумленно пробормотал Лагунов, не в силах отвести взгляда от страшного зрелища. Настоящий это скелет или бутафорский? «Квест» нравился ему все меньше и меньше. К умершему Гоше теперь добавилось вот это!

Макс аккуратно переступил через обутые в ботинки истлевшие ноги и пошел дальше так торопливо, насколько позволял туннель. Спички он больше не убирал в карман, и правильно делал, потому что подобных пленников оказалось еще двое. Макс не задерживался, чтобы их рассмотреть, просто, зажмурившись, переступал через скелеты и торопливо шел дальше, то и дело ожидая, что вот-вот его за ремень

схватит костлявая рука.

Возможно, в награду за то, что он оказался неожиданно для себя крепок нервами, туннель закончился ведущей вверх лестницей, часть ступеней которой была сделана из камня, другая – из проржавевшего железа. Макс облегченно выдохнул и принялся подниматься. Металлические ступени стонали под его шагами, а ему казалось, что это призраки умерших в туннеле жалуются на свою смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.